

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточное отделение РАН

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В. НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Материалы круглого стола
23 ноября 2018 г.

Владивосток
2019

УДК: 930.1(09):947.088(571.6)“199-201”

Научное осмысление реализации российских реформ конца XX — начала XXI в. на Дальнем Востоке: материалы круглого стола (23 ноября 2018 г.) / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая [Электронный ресурс]. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. 74 с.

Отв. редактор — д.и.н. Е.Н. Чернолуцкая

Данное издание представляет материалы круглого стола, состоявшегося 23 ноября 2018 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Оно включает выступления участников, заданные им вопросы и ответы. Организаторы круглого стола исходили из того, что кардинальные реформы конца XX — начала XXI в. стали основным фактором влияния на историческую судьбу страны и ее регионов. В чем состояла специфика политических и общественных трансформаций на Дальнем Востоке? В поисках ответа на этот вопрос научное сообщество в России и за рубежом уже накопило определенный исследовательский багаж. Целью круглого стола было выявить основные направления, теоретико-методологические подходы, оценки и наиболее изучаемые аспекты по данной проблематике, изложенные в трудах российских и зарубежных исследователей.

Scientific comprehension of the implementation of Russian reforms of the late XX — early XXI century in the Far East: materials of the round table meeting (November 23, 2018) / resp. ed. by E. N. Chernolutska [Electronic resource]. Vladivostok: IIAE FEB RAS, 2019. 74 p.

Executive editor — E.N. Chernolutskaia

This publication presents the materials of the round table meeting held on November 23, 2018 at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. It includes papers, questions to speakers, and their answers. The organizers of the round table came from the fact that the fundamental reform of late XX — early XXI century have become the main factor of influence on the historical fate of the country and its regions. What was the specificity of political and social transformations in the Far East? In search of an answer to this question, the scientific community in Russia and abroad has already accumulated some research baggage. The purpose of the round table was to identify the main directions, theoretical and methodological approaches, assessments and the most studied aspects on this issue, set out in the works of Russian and foreign researchers.

© Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока Дальневосточного
отделения РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Ващук А.С. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	4
Воронцов Н.С. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РЕОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (1985—1993)	8
Булах Е.В. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.....	18
Чернолуцкая Е.Н. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1990 — НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ. В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ЭКСПЕРТОВ.....	26
Крушанова Л.А. РЕФОРМЫ 1990-Х ГГ. КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	33
Клименко Г.С. ОСВЕЩЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРОБЛЕМ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.....	42
Федирко О.П. ДЕФИНИЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ/ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В ИСТОРИОГРАФИИ 1990-Х ГГ.	49
Дударенок С.М. ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ «ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» В РОССИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.....	56
Ковалевская Ю.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1990-Е ГГ.: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ.....	64
ИТОГОВАЯ ДИСКУССИЯ.....	68
ФОТОГАЛЕРЕЯ.....	73

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Ващук А.С.,

д.и.н., проф., зав. отделом
социально-политических
исследований ИИАЭ ДВО РАН

В исследовательском опыте отечественных историков, работающих в историографическом формате, присутствуют как классические схемы анализа (чаще всего типичные для диссертаций), так и поиск новых подходов. Не скажу ничего нового, но еще раз подчеркну, что историографические исследования в творческой лаборатории историка занимают значительную часть, так как, только проведя глубокую инвентаризацию исследований по проблеме и оценив особенности доминирующих концепций на разных этапах изучения темы, можно продвигаться в изучении того или иного вопроса.

Историография выполняет важнейшую функцию при изучении и понимании процессов трансформации общества. Надо сразу отметить, что мы не можем говорить о существовании каких-то особенных историографических методов: все методы, применяющиеся в историографии, активно используются и в других областях исторической науки. Поэтому термин «историографические методы», используемый нами при постановке задач в проекте «Трансформация общества и власти» во многом условен. Под методом мы понимаем совокупность приемов и операций, позволяющих из уже известного материала получить новое знание. Именно получение нового знания при работе со старым материалом является отличительным признаком метода. Как известно, в историографическом жанре используются принципы-методы: сравнительно-исторический, ретроспективный анализ (рассмотрение процесса движения публикаций от современности к прошлому), перспективный анализ (определение тенденций в развитии), метод периодизации (выделение отдельных этапов), проблемно-хронологический принцип. Все зависит от подхода автора, что, как предполагаю, в докладах, с которыми нам предстоит познакомиться сегодня, проявится со всей очевидностью.

В историографическом жанре работали и сегодня работают многие известные исследователи-гуманитарии. В свое время, когда я писала свою докторскую диссертацию, труды М.А. Барга [1] во многом

помогли сделать новую периодизацию истории изучения социальной политики, в основе которой был принцип, предложенный этим историком и философом, названный концептуальным прорывом. Традицию, заложенную Баргом, продолжают современные историки. В этом плане хотелось бы упомянуть о новом подходе И. Савельевой, которая обратила особое внимание на роль историографии в определении «теоретического фронта». Она пишет, что для определения теоретического фронта истории в XXI в. важны последовательные ответы на два вопроса: Что историки могут объяснить сегодня из того, что они не могли объяснить 15 лет назад? Что из того нового, что они могут объяснить сегодня, основано на концепциях, теориях, подходах, возникших за последние 15 лет? [4].

Исследователь, проведя блестящий анализ зарубежной литературы по методологии историографии, характеризует творческую лабораторию Г. Спигел (статья этого автора посвящена механизму непрерывной ревизии в исторической дисциплине), пишет: «В качестве стартовой автором избрана идея Мишеля де Серто о том, что ревизия является необходимой предпосылкой исторического исследования, поскольку сама дистанция между прошлым и настоящим требует постоянных инноваций, чтобы производить объекты исторического знания, которые не существуют, пока историк не укажет на них» [4].

Сегодня нет историка, который бы не был знаком с трудами Л.П. Репиной, они во многом стали ориентиром для оценки современной историографической ситуации. Как известно, она одной из первых подчеркнула практическую значимость историографического исследования в обществе, дав очень яркую характеристику подходам к изучению современной познавательной ситуации в тесной взаимосвязи с феноменом исторической памяти: «Постмодернистская программа в значительной степени сосредоточила внимание на изменчивости представлений о прошлом, на роли исторической концепции, которая интерпретирует исторические тексты, исходя из современных предпосылок, и действует, как силовое поле, организующее хаотический фрагментарный материал. Несомненно, постоянный поиск “новых путей” в истории обусловлен столь же постоянным изменением тех вопросов, которые мы задаем прошлому из нашего настоящего. Но в результате крутого поворота в историографии последней трети XX в. появилось и новое отношение к документам, в том смысле, что последние не отражают, а интерпретируют прошлую реальность, и поскольку реконструкция прошлого в таких условиях – цель не достижимая, задача

историографии – конструируя искомое прошлое, помочь индивидам и социальным группам (особенно маргинальным) в обретении ими собственной идентичности» [3].

Другую черту современной ситуации в области историографического жанра справедливо определили авторы проекта «Исторические исследования в России: тенденции последних лет»: «Современному исследователю, несмотря на все разнообразие форм внутри цеховой коммуникации, скорее всего, придется быть готовым к индивидуальному обретению знаний об историографическом процессе, к самостоятельному и тонкому прочтению результатов очевидного или неочевидного консенсуса дискурсов различных гуманитарных дисциплин» [2]. Поэтому сегодня по одной и той же проблеме предполагается выступление историка Н.С. Воронцова и политолога Е.В. Булаха.

Знаковой характеристикой развития современных историографических исследований является обращение историков к аналитике зарубежных работ. И хотелось бы заметить, что в последние два года в отделе социально-политических исследований нашего института проводилась такая работа. Один из докладов (Е.Н. Чернолуцкой) сегодня будет посвящен аналитическому обзору англоязычной литературы.

Наконец, сегодня крепнет региональная историография, в частности, сибирская и дальневосточная, что также составляет характерный тренд историографических исследований в России. И сегодняшний круглый стол, как я полагаю, станет новым вкладом в историографический процесс.

В заключении хочу подчеркнуть, что функции современной историографии как научно-исторической дисциплины существенно расширились, затронув проблемы не только мира профессиональной истории, но и вопросы, которые стоят на повестке дня перед всем обществом. Поэтому методологический аппарат историографа-профессионала должен развиваться в соответствии с новейшими требованиями. Мое неоднократное обращение сегодня к идеям предшественников по этому поводу — это один из способов выражения признательности предшественникам, но и некоторая возможность обрисовать специфику состояния исследований в области новизны подходов к историографическим работам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987.
2. Исторические исследования – II. Семь лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2003. 560 с.
3. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Поиск лекций. URL: <https://poisk-ru.ru/s12943t8.html> (дата обращения: 10.10.2018).
4. Савельева И. Исторические исследования в XXI веке. Теоретический фронт // Гефтер. 2014. 1 окт. URL: <http://gefter.ru/archive/8482> (дата обращения: 02.10.2018).

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РЕОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (1985—1993)

Воронцов Н.С.,
ст. лаборант ИИАЭ ДВО РАН

В докладе рассматриваются актуальные в настоящее время вопросы обобщения накопленного исторического опыта по решению проблем организации и функционирования местных Советов народных депутатов и их исполнительных органов в период перестройки и распада СССР. Различные аспекты данной проблемы начали исследоваться уже в первые годы перестройки, когда научные изыскания в области организационно-правовых основ работы Советов находилась под влиянием государственной идеологии. Запущенные процессы демократизации политической системы и реформирования власти и управления, как в ее высших эшелонах, так и на местах, вызвали существенное увеличение количества исследований в области работы Советов.

На первом этапе перестройки Советы всё ещё воспринимались как органы государственной власти, но одновременно подчеркивалась также их общественная сущность [52]. Для раскрытия потенциала Советов требовалось на практике осуществить принцип их полновластия [17]. Обновление советской системы и модернизация органов власти и управления нашли отражение в работах С.А. Авакьяна, Г.В. Барабашева, Р.Ф. Васильева, К.Ф. Шеремета, Н.Г. Старовойтова, Г.В. Дыльнова, Е.М. Ковешникова, В.М. Корельского, Е.И. Корневской [1; 6; 18; 23; 27]. Заслуживает упоминания тот факт, что многие названные исследователи позднее входили в число разработчиков законодательной базы о местном самоуправлении, выступая в 1990—1991 гг. в качестве научных консультантов [11, с. 6].

Отдельно среди исследователей данного периода следует отметить роль Г.В. Барабашева, специализирующегося на теоретических разработках концепции организации местных Советов и занимавшегося поисками новых моделей организации управления на местах в течение всего периода перестройки. Часть его разработок нашла практическое отражение в ряде законодательных актов союзного и республиканского значения, затрагивающих вопросы местного самоуправления. Г.В. Барабашев и К.Ф. Шеремет в своих трудах поднимали вопросы участия граждан и объединений в

деятельности Советов, существенное внимание уделялось их демократизации и ответственности перед населением [7]. Н.Г. Старовойтов в своих исследованиях отмечал необходимость повышения роли сессий Советов как ключевой формы их деятельности, посредством которой Совет должен принимать важнейшие решения [47]. Повышенный интерес проявлялся к теме разделения властей, разграничения собственности и полномочий между разными уровнями Советов и их исполнительных органов (Б.Н. Топорин, И.М. Степанов, А.Я. Слива [45; 49]).

Научные представления о Советах как представительных органах претерпели существенные изменения. Главными аспектами исследований стало повышение роли Советов в системе государственных органов, реализация на практике принципа социалистического самоуправления на местах (В.М. Козин, Б.А. Исаев, С.Ф. Мамедов, В.А. Антаков и др. [25; 21; 34; 3]). В.А. Кряжков поднимал проблему гласности работы Советов и подчинённых им структур [29; 8]. Неоднократно рассматривались вопросы отделения государственных органов от партийных структур и разграничения полномочий между властью и органами местного самоуправления. Отражением споров о государственной и общественной природе местного самоуправления стали работы М.А. Краснова и О.В. Орловой [28; 41].

Актуальность подобным исследованиям в те годы придавала оживленная законодательная деятельность в отношении советской системы, включая местные Советы. К 1991 г. круг изучаемых вопросов оказался довольно широк и включал: взаимодействие Советов народных депутатов и общественных объединений [3], информационное обеспечение работы местных Советов [38], их деятельность по формированию финансовой базы местного хозяйства [46; 32], взаимоотношения местных Советов и исполкомов с предприятиями, объединениями и кооперативами [26; 24], управление трудовыми ресурсами [31], решение экологических проблем [54], избирательная система и выборы в местные Советы [39], формирование в Советах различных партийных групп и их взаимодействие с избирателями [20]. Значительное внимание по-прежнему уделялось организационно-правовым вопросам работы Советов народных депутатов [2; 4; 22; 33].

Вслед за распадом СССР и последовавшим два года спустя роспуском Советов всех уровней наступил новый этап в историографии. Главной проблемой становится создание альтернативной системы местного самоуправления, пришедшей на смену Советам, научные

разработки в области федеративных отношений, муниципального права и муниципальной собственности (коллективная работа «Местное самоуправление в современной России» [37]). Материалы, обращенные к опыту формирования органов местного самоуправления, разносторонней оценке соответствующих законов можно встретить в исследованиях В.Я. Гельмана, С.И. Рыженкова, П.А. Румянцева, Е.В. Белокуровой и Н.В. Борисовой [42; 14].

Вопросам становления местного самоуправления в России, реформирования системы Советов и исполкомов, а также разработке нормативно-правовых актов, регулирующих их деятельность, посвящена значительная часть исследования И.В. Бабичева и Б.В. Смирнова [5]. Этот труд основан на серии более ранних публикаций, в которых авторы подробно разбирали предпосылки реформирования системы Советов, их исполнительных органов, основные направления развития законодательства о местных органах власти в период перестройки и распада СССР. Особое внимание уделялось законодательным актом СССР и РСФСР, направленным на регулирование местного самоуправления и местного хозяйства, анализу сильных и слабых сторон проводившиеся реформы, а также причинам последующего свертывания реформы и отказа от системы Советов. А.Г. Кузьмин и В.В. Еремян [30; 19] рассматривали процесс реорганизации Советской власти и работу обновленной системы Советов с точки зрения возрождения исторических традиций России. В современной российской историографии проблемы организации власти в переходные периоды изучались в контексте построения новой системы самоуправления (В.А. Черноситов, В.Г. Графский, В.И. Карпец, И.Н. Ефремова [53; 16]). Эволюция местных Советов как представительных органов самоуправления отражена в работе А.М. Тертышного, Е.Г. Амницы [48]. Труды по проблемам местного самоуправления, вышедшие в 1990-е гг., носят во многих случаях междисциплинарный характер, относясь к истории, политологии, административному и государственному праву, политической регионалистике, социологии и другим дисциплинам.

Значительный вклад в изучение процессов деятельности местных Советов всех уровней в период перестройки, а также в исследование основных тенденций в реформировании этой системы внес М.Н. Матвеев [35; 36; и др.], подробно рассмотрев статус и правовые основы деятельности местных Советов в период перестройки и распада СССР, состав, структуру и формы работы представительных и исполнительно-распорядительных органов Советской власти. Проводится подробный

анализ процессов демократизации местных Советов на примере областей Поволжья.

В разной степени аспекты сформулированной нами проблемы нашли отражение в работах дальневосточных авторов. Среди них выделяются исследования Е.В. Буянова [9; 10; и др.]. Подготовка трудов сопровождалась анализом историографии проблемы. Работе институтов государственной власти в Приморье и других регионах южной части Дальнего Востока посвящены исследования В.Э. Войшниса [12; 13; и др.], подробно отражающие достоинства и недостатки избирательной системы и связанные с этим проблемы работы местных органов самоуправления.

Новые подходы в формировании законодательных и исполнительных органов власти на местах стали объектом изучения в работе Р.В. Голощапова [15]. Отличительной их чертой является выделение этапов реформирования органов местной власти и подробный анализ особенностей избирательного процесса при формировании органов местного самоуправления. В работах Б.Г. Хачатуряна [50; 51] анализируются институциональные проблемы самоуправления в регионах Дальнего Востока, развитие Советской власти на местах и ее трансформация. Диссертационное исследование А.Е. Савченко затрагивает проблемы административно-политических отношений центра и регионов Дальнего Востока в годы перестройки и распада СССР, в котором значительное внимание уделено различным аспектам советской региональной политики в отношении регионов южного Дальнего Востока, также подчеркнута роль символических и материальных ресурсов в системе взаимоотношений центральных и местных органов власти и управления [43; 44].

Дальнейшее накопление и обобщение материалов социально-политических и экономических исследований о Дальнем Востоке в период перестройки нашло отражение в фундаментальном труде «История Дальнего Востока». Пятая книга третьего тома этого исследования посвящена периоду перестройки и проявлениям системного кризиса в регионах Дальнего Востока [40].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авакьян С.А. Советское народное представительство: конституционно-правовые аспекты дальнейшего совершенствования // Вестник Моск. ун-та. Право. 1987. № 6. С. 12–21.

2. Амелин Н.М. Местные Советы народных депутатов в системе территориального самоуправления: дис. ... канд. юр. наук. М, 1991. 151 с.
3. Антаков В.А. Взаимодействия Советов народных депутатов и общественных объединений как фактор становления самоуправления: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1991. 146 с.
4. Арановский К.В. Обеспечение конституционности нормативных актов исполкомов местных Советов: дис. ... канд. юр. наук. Ленинград, 1990. 165 с.
5. Бабичев И.В., Смирнов Б.В. Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты. М., 2011. 528 с.
6. Барабашев Г.В., Старовойтов Н.Г., Шеремет К.Ф. Советы народных депутатов на этапе совершенствования социализма. М., 1987. 363 с.
7. Барабашев Г.В., Шеремет К.Ф. Советское строительство. М., 1988. 560 с.
8. Безуглов А.А., Кряжков В.А. Гласность работы Советов. М., 1988. 144 с.
9. Буянов Е.В. Государственное строительство на юге Дальнего Востока России в 1990-1997 гг. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 1998. 170 с.
10. Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х-1990-е гг.). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001. 307 с.
11. Васильев В.И. Местное самоуправление: история и современная практика // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 5–15.
12. Войшнис В.Э. Губернаторы Дальнего Востока России: выборы, состав, оценка их работы (1995-1998 гг.) // Россия на пороге XXI века: сб. материалов регион. науч. симпозиума. Хабаровск: ХГАЭП, 1999. С.109–113.
13. Войшнис В.Э. Участие электората южных регионов Дальнего Востока в президентских выборах в Российской Федерации (1991-2004) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2007. № 3. С. 50–60.
14. Гельман В.Я., Рыженков С.И., Белокурова Е.В., Борисова Н.В. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб., 2008. 368 с.

15. Голощапов Р.В. История реформирования органов власти на Дальнем Востоке России (1990-2000 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2002.
16. Графский В.Г., Ефремова И.Н., Карпец В.И. Институт самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995. 301 с.
17. Гулиев В.Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право. 1986. № 2. С. 3–11.
18. Дыльнов Г.В. Советы народных депутатов в условиях перестройки. Саратов, 1990. 432 с.
19. Еремян В.В., М.В. Федоров. Местное самоуправление России (XII — нач. XX вв.): учеб. пособие. М., 1998. 174 с.
20. Ермашенкова С.А. Партийные группы в Советах народных депутатов в условиях реформы политической системы: на материалах Московской городской организации КПСС: дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 177 с.
21. Исаев Б.А. Развитие политической системы в СССР в 1985-90 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. 215 с.
22. Кашо В.С. Организационно-правовой механизм взаимодействия местных Советов народных депутатов и органов территориального общественного самоуправления: дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1991. 203 с.
23. Ковешникова Е.М. Партии, Советы, ускорение. М., 1987. 192 с.
24. Кодавбович В.А. Местные Советы и кооперативы: Правовое регулирование деятельности: дис. ... канд. юр. наук. Минск, 1993. 222 с.
25. Козин В.И. Эволюция политической системы СССР, вторая половина 80-х - начало 90-х годов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 179 с.
26. Колесник В.П. Организационно-правовые взаимоотношения местных Советов народных депутатов с предприятиями (объединениями) вышестоящего подчинения: дис. ... канд. юр. наук. Харьков, 1990. 212 с.
27. Корельский В.М. Власть, демократия, перестройка. М., 1990. 247 с.
28. Краснов М.А. Местное самоуправление: государственное или общественное // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 81–89.

29. Кряжков В.А. Гласность работы Советов: социология и право // Советское государство и право. 1986. № 12. С. 35–42.
30. Кузьмин А.Г. Исток русского национального характера // Вест. Московского ун-та. 1993. № 5.
31. Купчина Е.Н. Местные Советы: управление трудовыми ресурсами: дис. ... канд. юр. наук. Минск, 1990. 205 с.
32. Лазарева Н.В. Регулирование финансовых ресурсов местных Советов: дис. ... канд. эк. наук. СПб., 1992. 162 с.
33. Лютцер В.Л. Организационно-правовые вопросы преодоления бюрократизма в деятельности исполнительно-распорядительных органов местных Советов народных депутатов: дис. ... канд. юр. наук. М., 1991. 212 с.
34. Мамедов С.Ф. Взаимодействие политических партий и органов власти в развитии местного самоуправления: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 170 с.
35. Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977—1993 гг. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 456 с.
36. Матвеев М.Н. Проблема встраиваемости местного самоуправления в государственную вертикаль. Правовой аспект и исторические традиции // Юрист Поволжья. 2009. №11-12. С. 30–35.
37. Местное самоуправление в современной России / под ред. А.Е. Балабанова. Владимир, 2007. 440 с.
38. Нагорная М.А. Информационное обеспечение деятельности местных Советов народных депутатов: Организационно-правовой аспект: дис. ... д-ра юр. наук. М., 1991. 388 с.
39. Назаров В.М. Формирование политического авторитета в процессе выборов в Советы народных депутатов: опыт социолого-психологического исследования: дис. ... канд. соц. наук. М., 1991. 235 с.
40. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ.ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток, 2016. 940 с.
41. Орлова О.В. Домовые, уличные и квартальные комитеты (организационно-правовые аспекты деятельности) // Общественные организации и органы общественной самодеятельности. М., 1985. С.76–90.
42. Румянцев П.А. Правовые основы реформирования региональных органов государственной власти в России в период укрепления и

- развития современного переходного государства // Актуальные проблемы юридической науки. Ч. 1. Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2012. С. 66–69.
43. Савченко А.Е. Взаимоотношения Центр-регион в России 1985–2000 гг. как проблема эффективности государства // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 108–117.
44. Савченко А.Е. История административно-политических взаимоотношений Центра и регионов юга Дальнего Востока в 1985–1990-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 285 с.
45. Слива А.Я. Пора возвращаться в мир. От системы Советов к парламентаризму и местному самоуправлению // Народный депутат. 1992. №2. С. 56–66.
46. Слободянюк Н.И. Деятельность местных Советов народных депутатов по формированию финансовой базы местного хозяйства: дис. ... канд. юр. наук. М., 1991. 140 с.
47. Старовойтов Н.Г. Сессии Советов: теория, практика, проблемы // Советское государство и право. 1985. №11. С. 3–13.
48. Тертышный А.Т. Анимациа Е.Г. Основы местного самоуправления. М., 2000. 208 с.
49. Топорнин Б.Н. Разделение властей и государственная организация // Разделение властей и парламентаризм. М., 1992.
50. Хачатурян Б.Г. Особенности советского местного управления на Востоке России // Вестн. Иркутского гос. техн. ун-та. 2012. № 5. С. 377–384.
51. Хачатурян Б.Г. Реформирование местных органов власти на Дальнем Востоке (1990-1994 гг.): к истории вопроса // Вестн. Иркутского гос. технич. ун-та. 2012. № 1. С. 312–319.
52. Цвик М.В. Социалистическая демократия и самоуправление // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 3–11.
53. Черноситов В.А. Организационно-правовая трансформация местных Советов народных депутатов на завершающем этапе Советского государства: 1985–1991 гг.: дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2008. 248 с.
54. Шабанов Е.И. Деятельность Советов народных депутатов Казахской ССР по решению экологических проблем в 80-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 184 с.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ Н.В. ВОРОНЦОВА

Тураев В.А., канд. ист. наук: С чем вы связываете отказ от института Советов?

Воронцов Н.С.: Отказ от советской системы можно рассматривать как итог кризиса во взаимоотношениях исполнительной и законодательной власти начала 1990-х гг. и сопровождавшей его дискуссии о приемлемом государственном устройстве России. Кроме того, большинство депутатских групп Съезда народных депутатов и Верховного Совета выступали с критикой экономического курса президента и правительства, считая их неэффективными. Президент и правительство видели в Верховном Совете и СНД силу, сопротивляющуюся радикальным экономическим реформам. В этих условиях поиск компромиссов исполнительной и законодательной власти оказался проблематичным, и ситуация была решена силовым путем.

Что касается регионального и местного уровня, то здесь также наблюдалось столкновение интересов исполнительной и представительной власти. В некоторых случаях концентрация власти в руках местной администрации приводила к конфликтам между местными Советами и главами местных администраций. Достижение своего пика осенью 1993 г. противостояние высших звеньев исполнительной и законодательной властей затронуло и нижестоящие уровни. С учетом сохранявшегося в прежней Конституции положения о единстве системы Советов ликвидация Верховного Совета закономерно привела к роспуску Советов всех уровней и окончательному отказу от советской системы.

Рыжиков Д.В., аспирант: Были ли реализованы предложения теоретиков, исследователей этой проблемы на практике?

Воронцов Н.С.: Отчасти да. Некоторые разработки легли в основу законов о местном самоуправлении, но те исследователи, которые участвовали в подготовке этих законопроектов, потом констатировали, что их идеи до конца реализовать не удалось. В частности, не была решена проблема разграничения полномочий между Советами различных уровней, между исполнительной и законодательной властью. Ну, а в конечном итоге теоретические разработки не были воплощены в жизнь в полной мере из-за распада СССР и сопутствующих процессов.

Ващук А.С.: Появились ли в последние годы в историографии принципиально новые оценки, яркие точки зрения, которые выбиваются из общего контекста?

Воронцов Н.С.: За последние годы не могу выделить ничего принципиально нового.

Ващук А.С.: Значит, можно констатировать, что сейчас мы находимся на уровне взглядов конца XX – начала XXI века, и ощутимого движения вперёд не происходит?

Воронцов Н.С.: Да.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.

Булах Е.В.,

канд. полит. наук, доцент ДВФУ

Неутихающая в исследовательском поле дискуссия об оценке российским обществом вектора социально-экономических реформ, осуществляемых с конца прошлого столетия, формирует ностальгическое обращение к советскому прошлому, подталкивает к выводам о возможных ошибках в осуществляемых преобразованиях. То, что привело к системному сбою, продолжает оставаться открытой темой обсуждений.

Начальная стадия реформирования предполагала трансформацию и структурную перестройку советской экономики, создание рыночных механизмов ее регулирования, повышение экономической эффективности через возрождение институтов частной собственности и конкуренции, но способ реализации реформ привел к иным результатам. Заложенный в реформах рост социальной удовлетворенности обернулся полным политическим преобразованием. Более четверти века состояние российской политической системы и экономики, связь между экономическими факторами и политическими решениями были предметом большого количества спекуляций и поверхностных суждений. Несомненно одно: Россия не только упустила 27 лет и несколько уникальных возможностей для экономического и технологического прорыва, но и по отдельным направлениям в социально-экономических сферах опустилась значительно ниже общемировых показателей. За то время, пока цены на углеводородное сырье были высокими, Россия сумела накопить достаточно резервов и рассчитаться с долгами первых лет преобразований, чтобы сегодняшнее падение цен на углеводороды и относительная международная изоляция страны не стали немедленной причиной политического краха. Пережив классическую «голландскую болезнь», усугубленную централизацией власти и спекуляцией на росте негативных внешних факторов, общество было поставлено перед фактом необходимости отхода от демократических ориентиров.

Наиболее ярко деформационный разрыв между новыми идеями и практикой их реализации проявился на муниципальном уровне. Говорить о предпосылках осуществления местного самоуправления в России можно применительно к рубежу 1980—1990-х гг. В это время происходит либерализация экономической деятельности, появилась возможность частного предпринимательства, как следствие, возникает потребность у бизнеса в поддержке со стороны органов публичной власти [5].

Существенным правовым подспорьем для местного самоуправления стал принятый еще в 1990 г. Закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». Принятая ранее, в 1985 г., Европейская хартия местного самоуправления в соответствии со ст. 3 дала четкое определение этому властно-публичному явлению, предлагая под местным самоуправлением понимать реальную способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения [2, Ст. 4466].

Приняв сложившуюся в мировой практике демократическую модель государственного устройства, политическая элита России рассматривала муниципальную власть как должное и обязательное в системе государственного управления, но с одной поправкой. Практикующие реформаторы воспринимали новый элемент политической системы современной России как правопреемника местных Советов периода СССР, как дополнительную структуру в системе прямого государственного управления. Рассматривая местное самоуправление в рамках *государственной теории*, они не желали воспринимать его явный и четко определенный Конституцией 1993 г. правовой статус и соответствующие ему полномочия.

В развитие государственной теории вклад внесли дореволюционные юристы (В.П. Безобразов, А.И. Васильчиков, А.Д. Градовский, Н.И. Лазаревский) в 1870-х гг. Согласно мнению её сторонников того времени, местное самоуправление представляет собой децентрализованное государственное управление. А.Г. Михайловский рассматривал самоуправление как часть общего государственного управления, как особую организацию государственной власти на местах, основанную на выборных началах. Составной частью государственного управления считал местное самоуправление и В.П. Безобразов.

Другая часть исследователей развивала **общинную теорию**. Основываясь на идеях о самобытности русской общины и ее неотъемлемых правах, на практике Новгорода и Пскова, они выступали за независимость земских институтов от государства и противопоставляли местное самоуправление, радеющее за местные интересы, бюрократическому государственному порядку, подчеркивая, что местное самоуправление чуждо политике и властным интересам. Однако на практике такой подход не имел успеха. Русские ученые Н.И. Лазаревский, Б.Н. Чичерин, В.П. Безобразов и др. считали теорию свободной общины несостоятельной и нежизнеспособной.

Общественно-хозяйственная теория самоуправления сжато изложена Л.А. Велиховым в работе «Основы городского хозяйства» (1928), в которой автор предпринял попытку систематизировать и свести имеющийся научный опыт в цельное научное направление. Эта теория, как и теория свободной общины, во многом основывалась на идее противопоставления государственной власти и местных сообществ. Согласно общественной теории, самоуправление – это, в первую очередь, заведование местными хозяйственными делами. Собственные дела общины – это дела общинного хозяйства, и, следовательно, самоуправление есть управление делами местного хозяйства.

Необходимо отметить, что в российской научной традиции представлены все три основные теории местного самоуправления, а заложенная Земской реформой 1860-х гг. борьба между сторонниками общинной и государственной теорий, между их производными сохраняет свою актуальность и поныне.

В научной литературе отмечены попытки дать универсальное (компромиссное) определение местной власти (местному самоуправлению). В.А. Баранчиков полагает, что местное самоуправление — это децентрализованная форма организации территориальной публичной власти, которая обеспечивает исполнение законов и других нормативных актов органов государственной власти в пределах территории разных видов поселений самим населением, образуемыми ими самостоятельно органами местного самоуправления и избираемыми и назначаемыми должностными лицами. Эти органы и должностные лица подотчетны местному населению и подконтрольны ему в своей деятельности [1, с. 57].

По мнению М.А. Либоракиной, современная практика местного самоуправления, как она трактуется в Конституции России, — это самоорганизация населения, что позволяет рассматривать местное

самоуправление через призму его общественной теории. Она вывела значение местного самоуправления за рамки прагматичного его понимания как системы, обеспечивающей эффективность управления городами и селами. Данный институт должен играть в системе вечных ценностей не менее важную роль, чем свобода слова, совести и другие основы демократической системы. Свидетельство тому — конституционные гарантии, предоставленные местному самоуправлению, и, прежде всего, гарантии его независимости от системы государственной власти. Это основа, на которой формируется гражданская инициатива и достигается общественный договор [3, с. 20, 24].

О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев считают понятие «муниципальное право» новым для нашего государствоведения, хотя вопросы муниципального управления, муниципального хозяйства в свое время являлись предметом исследования юристов и деятелей земского движения дореволюционной России, а также отдельных ученых 1920-х гг. Они утверждают, что муниципальное право — новая и самостоятельная комплексная отрасль права, регулирующая целый спектр общественных отношений, связанных с реализацией властных полномочий населения на уровне своего непосредственного проживания. ***Эти выводы позволяют утверждать, что местное самоуправление — это объект нового социально-политического строительства, а вовсе не отдельное направление реформирования.***

Декларируемое в Конституции РФ как свободная соседская община местное самоуправление должно получить соответствующие механизмы и инструментарий осуществления своих прав, но практика на примере Приморского края и городского округа Владивосток демонстрирует обратные тенденции: отсутствие возможности населения в определении границ территорий осуществления своего права на местное самоуправление; отмена выборов главы муниципального образования; отчуждение права на управление муниципальной землей и в решении иных вопросов местного значения (муниципальная медицина); поражение финансово-экономических основ (из собираемых 64 млрд руб. в городе бюджет 2019 г. предполагает всего 11 млрд); и др.

Как известно, в 2009 г. должен был завершиться заключительный этап муниципальных преобразований. Однако изменения, внесенные в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации» Федеральным законом от 25 декабря 2008 г., продлили переходный период до 2012 г., но по факту он еще не завершен. Это объясняется в числе прочего и тем, что практика реализации Федерального закона № 131-ФЗ выявила ряд нерешенных проблем, затрагивающих порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями [4, с. 36].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Баранчиков В.А. Правовые проблемы становления и развития местного самоуправления в Российской Федерации. М., 2005. 351 с.
2. Европейская хартия местного самоуправления. Ратифицирована Федеральным законом от 11 апреля 1998 года № 55-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 36.
3. Либоракина М.И. Проблемы и перспективы местного самоуправления: независимая экспертиза реформы. М., 2003. 223 с.
4. Нанба С.Б. Правовое регулирование наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 36–42.
5. Постриганов Е.А. Местное самоуправление в современной России: проблемы и перспективы // Территория новых возможностей. Вестн. Владивост. гос. ун-та экономики и сервиса. 2014. № 4. С. 52–60.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ Е.В. БУЛАХА

Тураев В.А.: Правильно ли я понимаю, что вы отказываете Советам в праве быть органами местного самоуправления? Чем нынешняя система местного самоуправления принципиально отличается от советской, с точки зрения эффективности?

Булах Е.Н.: Если исходить из определения, сформулированного школой О.Е. Кутафина, и анализа мировой практики, Советы, какими бы они ни были — местные, поселковые, территориальные, городские, — не могут классифицироваться как органы местного самоуправления. Местные Советы являлись органами государственной власти и, прежде всего, были озадачены решением государственных стратегических задач. На примере Владивостока — это создание форпоста Тихоокеанского Флота на Дальнем Востоке в виде закрытого города.

Если же говорить об эффективности работы, определенный эффект есть от любой деятельности, сравнение возможно. Тенденция формирования и укрупнения территориальных границ, которая перешла нам в наследство от СССР, в современных условиях стала залогом низкой эффективности органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения, и по Владивостоку это хорошо видно. Ограниченные перспективы роста и развития Владивостока нашли свое отражение во всех объектах инфраструктуры: неэффективная дорожная схема, плотность застройки, сети и коммуникации ориентированы на военные объекты, полное отсутствие экологических норм при обеспечении объектов министерства обороны. Процесс преодоления инфраструктурного ступора в развитии города удалось обеспечить только через объемное федеральное финансирование при подготовке к саммиту АТЭС, что при социально-ориентированном стабильном системном развитии делать не пришлось бы. Что касается местного самоуправления сегодня, то повторяю, да, есть очевидные проблемы, но мы видим и положительные изменения. В сравнении в подходах к формированию городских сетей и систем, сейчас появилась возможность учитывать мнение населения, и проявляется это явно, через непосредственные формы (референдум, публичные слушания и т.д.), и косвенно, через инструменты экономического регулирования (спрос и предложение на свободном рынке недвижимости, земельных участков, через другие сферы муниципальной экономической активности).

Дударенок С.М.: Что такое местное самоуправление?

Булах Е.Н.: Традиционно, муниципалитетом называлось городское управление, берущее на себя бремя решения общегородских задач, распоряжения хозяйственными средствами. Появление термина «муниципалитет» относится к республиканской эпохе истории Древнего Рима: так назывались города, пользовавшиеся правами самоуправления. Как отмечает С.Д. Князев, местное самоуправление — это неотъемлемая часть единой общероссийской системы народовластия. Конституция РФ (ст. 12) не только рассматривает его в качестве одной из основ конституционного строя, но и гарантирует обеспечение исполнения решений органов и должностных лиц местного самоуправления и непосредственно населения муниципальных образований, принятых в пределах их компетенции. Необходимо отметить тенденции исправления перекоса, переход от административного управления территориями к непосредственному, через инициативы населения. На важность этого

процесса постоянно обращает внимание Президент России, выступая на публичных встречах. Контроль и участие, по его мнению, — это основополагающие механизмы оздоровления муниципальной системы управления и как итог всей политической системы России.

Хочется подчеркнуть, что данная проблематика традиционно является предметом исследования приморских политологов, кафедра ВИ-ШРМИ ДВФУ может похвастаться не только результатами исследований, но и активным участие в процессе становления территориального самоуправления в ДВФО. Создаваемые инициативные группы граждан получают полный комплекс консультационно-методической помощи, наши сотрудники участвуют в работе органов местного самоуправления при оказании поддержки инициативам населения. Основные требования населения к власти — это непосредственное участие в определении перечня актуальных муниципальных задач и конечный контроль над их выполнением.

Ковалевская Ю.Н.: А дадут ли вам это?

Булах Е.Н.: Содержание вопроса определяет ключевую проблематику для дальнейшего осуществления социальных исследований. Кроме отсутствия понимания в области содержания современных реформ, попыток реанимировать и адаптировать под ситуацию то, чего не было (местное самоуправление) до начала преобразований, мы совершенно не учитываем тот факт, что такая политологическая категория как «власть» чужда сознанию современного россиянина! Раскрытие дефиниции «власть» позволит изменить парадигму и обеспечит восприятие процесса государственного управления как публично-общественного, позволит каждому индивиду осуществить самоидентификацию как обязательного и активного участника политических процессов (пассивно мы все являемся участниками). Что значит «дадут», кто кому и что должен дать? Что может дать Дума города, которая выбиралась 13-ю процентами активных избирателей? Риторика неприемлемая для суждений в демократическом обществе! Есть требование населения, оно транслируемо через непосредственные формы, в ответ должна быть реакция власти всех уровней, это единственно возможная схема стабильности и комфорта социально-экономической системы, и система России — не исключение.

Рыжиков Д.В.: Как политологи смотрят на перспективы развития местного самоуправления в РФ?

Булах Е.Н.: На этот счёт есть несколько точек зрения, которые отражают мнение Минюста, Конституционного суда РФ, Совета

Федерации и других структур. Можно выделить две тенденции. Первая – дальнейшее укрупнение и централизация власти, отстранение населения от непосредственного участия в решении вопросов местного значения. Вторая тенденция – противоположная: дальнейшее развитие и корректировка системы местного самоуправления, прежде всего, речь идёт о делении муниципального района на сектора, исходя из единой коммунально-социальной проблематики.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1990 — НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ. В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Чернолуцкая Е.Н.,

д-р ист. наук, в.н.с. ИИАЭ ДВО РАН

Несмотря на кризисное состояние советской системы в конце 1980-х гг., ее крах в 1991—1993 гг. оказался неожиданным как для российского, так и мирового сообщества, включая экспертов в разных странах. Последующие трансформационные процессы в России привлекли активное внимание отечественных и западных исследователей, современная библиография этой проблематики насчитывает множество трудов. Однако до сих пор не выработано однозначных подходов, оценок и концепций в отношении новейшего периода российской истории, который принято называть постсоветским, что отражено даже в этом определении, отсылающем к окончанию предыдущей эпохи, но не к сути нынешней.

Сменяют друг друга применяемые в исследованиях теории. Так, не выдержала испытания временем транзитология, основанная на том, что сразу с падением коммунистического режима начнется переход к рынку и демократии в ее либеральном варианте. Гораздо чаще в настоящее время говорят о трансформации системы как процессе с открытым финалом.

С самого начала кардинальных реформ помимо общероссийской проблематики ученые обратились и к региональной. По меткому выражению В. Гельмана, каждый из 89 регионов России представлял собой отдельную «загадку», специфику которой предстояло разгадать [1]. В своем выступлении я попытаюсь кратко показать, как западное научное сообщество «разгадывало загадку» Дальневосточного региона и разгадывало ли вообще (подробнее данная проблема освещена автором в: [3]).

В 1990-е годы интерес бывших советологов к Дальнему Востоку как периферии ослабленной страны резко снизился. Относительно большой вклад в его изучение внесли международники, экономисты, демографы, но не историки. Современная внутривосточная история Дальнего Востока слабо освещена в англоязычной историографии. Фундаментальных обобщающих исследований по этой проблематике в литературе найти сложно. Из последних 30 лет определенному анализу подвергался период 1990-х — начала 2000-х гг. Его научное

осмысление шло в режиме реального времени. Исследователи чаще всего выступали в роли комментаторов текущих событий, а общий образ политической жизни региона складывался как «мозаичное» полотно, что, в общем-то, мало отличалось от ситуации в отечественной историографии.

По многим позициям зарубежные исследователи оказались перед такими же не совсем ясными в перспективном развитии явлениями, как и их коллеги, оценивающие общероссийский контекст. В этом смысле красноречиво название книги М. Маколи «Российская политика неопределенности» (1997) по периоду 1991—1994 гг. [10]. А такие авторы, как Ст. Коэн (в книге «Провал Крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России»; опубликована в США в 2000 г., в России – 2001 г.) и Р. Дэниелс (в книге «Трансформация России: снимки разрушающейся системы». 1999), показав быстрое движение страны к разорению, демонстрировали неспособность западной науки предсказать последствия распада СССР [2; 6].

Вопрос о власти на Дальнем Востоке в англоязычных трудах рассматривается главным образом в рамках концепций центр-периферийных отношений и «ассиметричного федерализма». Последний заключается в конституционном неравенстве между разными типами субъектов РФ — республиками, областями и краями, автономными округами, — что создавало объективную основу для конкуренции между ними.

Как образно подмечено в публикациях, в споре «за кусочки небольшого и сжимающегося пирога» между регионами развернулась «грызня». Другую сторону этой медали зарубежные авторы видят в том, что взаимоотношения с Москвой во многом были основаны на блате и связях, возвращении влиятельных покровителей в центральной бюрократии. Достаточно подробно эти сюжеты рассмотрены в работах Р. Валлианта, Ф. Чанга, П. Киркова, С. Дэвис [13; 5; 9; 7], показавших, что дальневосточные элиты старались заполучить определенную степень самостоятельности и в начале 1990-х гг. занимали все более сильные позиции. Но они так и не смогли вырвать у Центра контроль над своими ресурсами и бюджетом, кроме Саха (Якутии) (договор 1995 г. с Москвой). Развитие этого процесса С. Дэвис (2003) анализирует в рамках трех фаз развития федерализма в РФ — фазы суверенитета (1991—1992), власти региональных правительств (1993—1999) и рецентрализации (с 2000 г.) [7, с. 129-130].

Более подробно хочется остановиться на типологической эволюции верхушки региональной политической элиты. Р. Валлиант

[13, с. 15-17] резюмировал, что в первой половине 1990-х гг. на посту губернаторов в соответствии с назначениями Ельцина сменилось два разных типа людей. Первых он называет «гуманитариями», это журналист А. Кривченко в Амурской области, ученые В. Федоров на Сахалине и В. Кузнецов в Приморском крае. Автор считает их переходными фигурами. Не будучи реальными политиками, они «поверили в новые пути», благодаря им, Дальний Восток стал более свободным и демократичным. Однако при них дела шли от плохого к худшему.

В 1993 г. Ельцин привел на эти посты другой тип губернаторов — «промышленников», имевших опыт руководящей работы в различных отраслях экономики. Это Е. Краснояров (Сахалин), Е. Наздратенко (Приморье), В. Ишаев (Хабаровский край), А. Сурат и В. Полеванов (Амурская область). Они также не обладали профессионализмом политиков, но отличались большей консервативностью. Предполагалось, что они заставят экономику своих регионов снова прийти в движение. Но и их результаты оказались не лучше.

В литературе 1990-х гг. представлены портреты дальневосточных губернаторов, сквозь призму которых выявлены типичные черты власти того времени, когда, по мнению Ф. Чанга, П. Киркова и др., преступность и коррупция стали «синонимами демократических и рыночных реформ». Наиболее часто западные авторы делали акцент на том, что регион в целом демонстрировал режим грубой демократии, смешанной с сильным элементом авторитаризма [5; 9]. Так, Е. Наздратенко в Приморском крае, по словам М. Галеотти, являлся «классическим примером российского регионального политического силача». Он отстаивал приоритет местных интересов перед центральными и возглавлял растущую империю легального и криминального бизнеса [8, с. 63, 68]. Р. Орттунг считает, что глубинные корни битвы Наздратенко с Москвой заключались в том, что он в союзе с местными деловыми кругами контролировал край, стараясь не допустить туда внешние бизнес-группы. Поэтому московская верхушка была заинтересована в смещении Наздратенко с должности. Что удалось только В. Путину. И следующий губернатор Дарькин открыл ворота в региональную экономику крупному российскому бизнесу [11, с. 8].

Введенные в середине 1990-х гг. выборы губернаторов внесли разнообразие в состав правящего слоя на Дальнем Востоке. С. Дэвис приводит срез губернаторского пула в регионе на начало 2000-х гг., показывая, что народные мандаты получали приверженцы разных

политических партий. Были избраны и «промышленники», ставшие к тому времени крупными собственниками. Это В. Логинов в Корякском автономном округе (драгоценные металлы), С. Дарькин в Приморском крае (лизинг, рыбная промышленность, судостроение, банк «Приморье»), В. Цветков в Магаданской области (несколько компаний), В. Штыров в Якутии (алмазы) [7, с. 38-53].

Интересный сюжет в англоязычной литературе связан с губернатором Чукотки Р. Абрамовичем, одним из трех «ресурсных олигархов» (вместе Б. Золотаревым в Эвенкии и А. Хлопониным на Таймыре), одержавшим на выборах 2000 г. убедительную победу. Д. Андерсон и Н. Томпсон оценили их вступление в должность как «административную революцию», переход к новому типу региональной власти — корпоративному, при котором законодательная, исполнительная и финансовая власть концентрируется в руках представителей крупной ресурсной корпорации. Каждый из олигархов привел с собой команду администраторов, состоящую из таких же молодых амбициозных сотрудников своих компаний, которые работали в регионах «вахтовым методом» [4; 12]. Р. Абрамович представлял нефтяную корпорацию «Сибнефть». Многие комментаторы считали, что он «купил» голоса чукотских жителей. Однако, по мнению Н. Томпсона, выборы Абрамовича могут быть поняты как приход богатого чужака, изолированного от местных патронажных сетей, воплощающего идеологию западных инноваций и обещающего облегчение страданий населения в регионе, который под управлением «клики» губернатора Назарова несколько лет был самым депрессивным в стране [12, с. 143].

Абрамович тратил более 200 млн долл. в год на выплату зарплат и задолженностей, построил новую инфраструктуру, основал множество социальных инициатив, подтверждая, по словам Н. Томпсона, более широкую тенденцию «благожелательного олигархического либерализма», проявленного в регионах российского Севера. Однако крупные инвестиции потекли в традиционную местную экономику и на восстановление поселений аборигенов. В отношении же тысяч жителей, завезенных на Чукотку в советские годы из других районов страны, проводилась политика переселения обратно на материк, что называлось администраторами «избавлением Чукотки от человеческого балласта». Исследования Н. Томпсона выявили негативное отношение к такой программе модернизации со стороны постоянных некоренных жителей, считавших Чукотку своей родиной и не желавших оттуда переселяться [12, с. 137-138].

К сожалению, с середины 2000-х гг. англоязычные авторы практически охладели к этой проблематике и переключили свое внимание на внешнюю политику России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, специфику которой принято называть «поворотом на восток».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гельман В.Я. По ту сторону Садового Кольца: опыт политической регионалистики России // Полития. 2001. № 4. С. 26-36.
2. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001. 304 с.
3. Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография о политических трансформациях на Дальнем Востоке России в 1990-е – начале 2000-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1 . С.114-123.
4. Anderson D. Entitlements, Identity and Time: Addressing Aboriginal Rights and Protection in Siberia's New Resource Colonies // People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / ed. by E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. P. 99-123.
5. Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power // Orbis. 1999. Vol. 43 (2). P. 257-284.
6. Daniels, R.V. Russia's Transformation: Snapshots of a Crumbling System. Lanham, Md: Rowman and Littlefield, 1998. 248 p.
7. Davis S. The Russian Far East. The Last Frontier? London, New-York: Routledge, 2003. 155 p.
8. Galeotti M. Russia's Far East – Russian or Eastern? // IBRU Boundary and Security Bulletin. 1998. Spring. P. 61-68.
9. Kirkow P. Russia's Provinces: Authoritarian Transformation versus Local Autonomy? London: Macmillan Press Ltd, 1998. 240 p.
10. McAuley M. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 351 p.
11. Russia in Asia—Asia in Russia: Energy, Economics, and Regional Relations (conference proceeding) / ed. by F.J. Dresen. Occasional paper № 292. Washington: Kennan Institute and Asia Program, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2004. 101 p.

12. Thompson N. The Native Settler: Contesting Local Identities on Russia's Resource Frontier // Polar Geography. 2003. Vol. 27 (2). P. 136–158.
13. Valliant R. Political dimension // Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. London, New-York: Routledge, 1997. P. 322.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ Е.Н. ЧЕРНОЛУЦКОЙ

Тураев В.А.: Переселение некоренного, приезжего населения с Чукотки рассматривается англоязычной историографией как государственная политика или как инициатива местных губернаторов?

Чернолуцкая Е.Н.: Томпсон, автор, которого я здесь назвала в данном контексте, говорит о действиях Р.А. Абрамовича.

Тураев В.А.: В таком случае, он демонстрирует непонимание вопроса. На самом деле, это была целенаправленная государственная политика.

Чернолуцкая Е.Н.: Разумеется. Но зарубежные исследователи основываются на том, что Р.А. Абрамович реализовал эту идею на практике, вкладывая туда немалые средства.

Тураев В.А.: Насколько мне известно, переселение некоренного населения с Чукотки на «материк» началось ещё до Абрамовича, когда губернатором был А.В. Назаров.

Федирко О.П.: Почему в 2000-е гг. англоязычные авторы охладели к Дальнему Востоку и стали уделять этой проблематике мало внимания?

Чернолуцкая Е.Н.: Для англоязычных исследователей Дальний Восток — это российская периферия. В 1990-е гг. этот регион привлекал внимание зарубежных учёных бурными политическими событиями, трансформационными процессами. Геополитические и экономические интересы стран АТР заставляли искать ответ на вопрос, чего можно ожидать от России в этом регионе, каковы возможные риски или приобретения в случае «входа» на Дальний Восток своими капиталами, политическим акциями и т.д. В 2000-е гг., когда внутренняя ситуация на российском Дальнем Востоке стабилизировалась и стала более или менее понятной, англоязычные авторы сконцентрировались на внешней политике России в АТР, которая в настоящее время является для иностранных акторов более актуальной.

Фетисова Л.Е., канд. филол. наук: Насколько объективны, на ваш взгляд, заключения западных экспертов?

Чернолуцкая Е.Н.: В основном англоязычные авторы черпают информацию из российских и зарубежных СМИ, причём, российских – часто в переводных версиях. Например, широко используется база данных американской Информационной службы зарубежного вещания Foreign Broadcast Information Service, которая занимается сбором и переводом на английский язык материалов из открытых иностранных, в том числе русских источников, включая радио, телевидение, печать. Оцифрованная база данных доступна через платную подписку. Архивы и другие виды документальных источников западные эксперты используют гораздо реже. Как следствие, они изучают самые яркие события и явления, лежащие на поверхности, при этом далеко не всегда учитывая глубинные факторы и тенденции. Кроме того, в англоязычной историографии есть публикации политически ангажированные, явно тенденциозные, которые вряд ли можно назвать объективными с точки зрения исторической науки. Тем не менее взгляд со стороны всегда интересен. Он позволяет нашим зарубежным коллегам подметить те нюансы или характеристики изучаемых процессов, которые мы, находясь внутри них, порой не можем рассмотреть или адекватно оценить. Многие исследователи, которых я упоминала в своем выступлении, — это серьезные респектабельные ученые, а их труды заслуживают внимательного прочтения и учета при нашем собственном анализе.

РЕФОРМЫ 1990-Х ГГ. КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Крушанова Л.А.,
канд. ист. наук, ст.н.с. ИИАЭ ДВО РАН

Обращение к проблеме трудового потенциала государства, региона, края, области или отдельно взятого предприятия является традиционным исследовательским направлением в гуманитарных и общественных науках. Изучением обозначенной проблемы занимаются исследователи из разных отраслей научного знания, в том числе экономисты, социологи, демографы, политологи и др. К данной тематике обратились и историки. В рамках темы нашего круглого стола интерес представляют работы, выполненные на материалах дальневосточного региона, они позволяют расширить знания об эффективности реформаторского курса либерального типа на региональном уровне.

Современная экономика предъявляет принципиально новые требования к рабочей силе. Учитывая растущую скорость внедрения в производство инновационных технологий, трудовой потенциал приобретает значение стратегического ресурса, способного сделать успешной не только отдельно взятую экономическую структуру в условиях рынка, но и стать залогом процветания, если не всего государства, то отдельных его отраслей, продукция которых способна конкурировать на мировом рынке.

Целью выступления мы поставили раскрыть особенности освещения современного состояния трудового потенциала на Дальнем Востоке в отечественной литературе. Для современного историка представляется важным в этом контексте проанализировать, какое влияние на научные исследования оказала смена научных парадигм 1990-х гг. и как в литературе рассматривается влияние реформ 1990-х гг. на состояние трудового потенциала в регионе. Изучение территориального развития сквозь призму нынешнего состояния трудового потенциала и трудовых ресурсов может способствовать более глубокому пониманию культурной и политической перспективы развития этой части России.

Концепция трудового потенциала в отечественных исследованиях. Современная наука накопила значительное количество

дефиниций, которые отражают участие человека в развитии территории. В большой степени методологический инструментарий разработан в экономической литературе, к ним относятся понятия «рабочая сила», «человеческий капитал», «трудовые ресурсы» и др. Однако следует отметить, что понятие «трудовой потенциал» имеется только в отечественной научно-экономической литературе (И.В. Бушмарин, И.Т. Корогодин, А.Э. Котляр [2; 6; 7] и др.). Этот термин возник в 1970—1980-е гг. в связи с необходимостью активизации и эффективного использования возможностей, связанных с личным фактором на производстве, он характеризует все многообразие качеств работника, проявляющихся в процессе его трудовой деятельности [18, с. 34].

Переход в 1990-х гг. к рыночной экономике создал совершенно новую ситуацию на рынке труда России. Слом советской модели экономических отношений негативно сказался на качестве рабочей силы и оказал влияние на представление о трудовом потенциале [4, с. 24].

Смена научной парадигмы изучения социально-экономических процессов. Одним из важнейших вопросов научного исследования является вопрос о методологической парадигме, в рамках которой выполняется научное исследование. Отечественные гуманитарии и обществоведы стали активно использовать три социологические макротеории – формационную, цивилизационную и модернизационную. Кроме этого, историки стали широко применять методы и инструментарий философии, социологии, антропологии, политологии, экономики. Это позволило взглянуть по-новому и на региональную историю. Многие исследователи работают в рамках теорий среднего уровня. В последнее десятилетие социально-экономические процессы на Дальнем Востоке анализируются под углом трансформационной, циклической, синергетической, геополитической и управленческих концепций.

«Трудовой потенциал» представляет собой обобщённую, собирательную характеристику трудовых ресурсов, привязанную к месту и времени [17, с. 60–61]. Отечественные авторы рассматривают трудовой потенциал как: 1) социально-экономическую категорию (Г. Леонидова, А.С. Панкратов [11; 12, с. 56]; и др.), 2) качественную и количественную характеристику трудовых ресурсов и производственных отношений (Л.А. Колодий-Тяжов [5]), 3) фактор динамичности социально-экономических процессов, в том числе уровня жизни населения (О.В. Кудрявцева, А.С. Дегтярь [9; 3, с. 3]); 4)

совокупность различных характеристик, проявляющихся в трудовом процессе, которые определяют работоспособность людей, качество труда [16, с. 9] и величину трудовых ресурсов.

В 2000-е годы появились новые трактовки термина «трудовой потенциал», под которым понимаются:

- совокупность способностей той или иной категории людей к трудовой деятельности [14];

- существующие сегодня и предсказуемые трудовые возможности, которые определяются численностью, возрастной структурой, профессиональными, квалификационными и другими характеристиками персонала предприятия (Борисов А.Б., 2000);

- демо-экономическая категория и интегральная оценка качества населения, отражающая его трудовые возможности, степень и качественную специфику их реализации (Курило И., 2001);

- мера существующих ресурсов и возможностей, непрерывно формирующихся в процессе всей жизни личности, воплощенных в трудовом поведении и определяющих его реальную производительность (Шаталова Н.И., 2003) и др. [18].

Особенностью изучения проблемы трудового потенциала Дальнего Востока является его анализ на базе отдельных традиционных направлений: в контексте миграций и трудовых ресурсов (Б.Ф. Шапалин, В.П. Чичканов, А.Н. Гладышев, П.А. Минакир, П.Я. Бакланов и др.), миграций (Л.Л. Рыбаковский, Е.Л. Мотрич, Ю.А. Авдеев, З.И. Сидоркина), уровня жизни в регионе (А.С. Ващук, А.П. Латкин, А.В. Кравец, Л.А. Кривоносова и др.).

Влияние реформ 1990-х годов на состояние трудового потенциала Дальнего Востока. При обращении к базе данных научных публикаций eLibrary, становится очевидным, что тема трудового потенциала на Дальнем Востоке относится к числу недостаточно разработанных. Общее, что объединяет работы, посвященные трудовому потенциалу, — это анализ факторов, негативно сказавшихся на его состоянии. В числе таковых отмечают следующие.

- *Демографический.* Он проявился в резком снижении рождаемости на фоне резко выросшей смертности и сокращении продолжительности жизни (А.П. Латкин, А.В. Кравец, [10, с. 25]). Дальний Восток — единственный регион, где депопуляция не прекратилась даже после введения в 2007 г. «материнского капитала» за рождение второго или последующих детей (Л.А. Кривоносова [8, с. 77]).

– Миграционный. Это направление является традиционным в исследованиях, они показывают отток дальневосточников и приток иностранной рабочей силы из Средней Азии, Китая, КНДР и Вьетнама и распределение ИРС по отраслям и сферам занятости.

Дальний Восток — это регион, в котором в течение последних 30 лет наблюдается отрицательная динамика демографических показателей как за счет естественной убыли, так и высокого уровня миграционного оттока. В 1990-е гг. уровень жизни дальневосточников оказался одним из самых низких в стране. Население стало активно выезжать из региона, прежде всего — трудоспособное население и молодежь, окончившая школы и вузы. Массовый выезд населения из региона сделал миграционный отток критическим [10, с. 25].

Абсолютно все исследователи отток трудоспособного населения из региона назвали ключевой проблемой, негативно сказывающийся на качестве трудового потенциала Дальнего Востока. Проведенный А.П. Латкиным и А.В. Кравец соцпрос, выявил, что негативная тенденция оттока населения молодых возрастов сохраняется. Как отмечают авторы, в ближайшие пять лет из числа опрошенных в возрасте 18–25 лет планируют покинуть Приморье 52%. Из опрошенных в возрасте 26–37 лет 44,7% хотели бы переехать, но не имеют возможности [10, с. 25].

Л.А. Кривоносова со ссылкой на соцпрос, проводившийся силами ИЭИ ДВО РАН, называет более высокую цифру желающих покинуть Дальний Восток – 56,7%. Далее она пишет, что 60% тех, кто уезжает из региона, составляют люди в возрасте от 20 до 40 лет [8, с. 77].

В подтверждение вышесказанного тезиса можно назвать также работу М.Ю. Андреевой и Л.И. Вотинцевой. Перспективы реализации 611 проектов на Дальнем Востоке до 2025 г. связаны с возможностью заполнить 115 тыс. вакантных мест, что является серьезным вызовом региональному рынку труда. Как пишут авторы, только около 20% рабочих мест могут быть обеспечены кадрами с Дальнего Востока, на оставшиеся 80% требуется привлечение работников из других российских регионов и зарубежья. Реализация первых проектов «Территорий опережающего развития» вскрыла дефицит квалифицированных кадров, особенно рабочих специальностей. Не способно на сегодняшний день с этой задачей справиться и Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. За два года своей работы оно трудоустроило на предприятия ДФО только 8,5 тыс. специалистов [1, с. 100].

Последствия современных миграционных процессов на Дальнем Востоке имеют негативную окраску. М.Ю. Андреева и Л.И. Вотинцева пишут: «...Остро встала проблема агрессивной конкуренции на рынке труда между мигрантами и трудоспособным населением принимающего социума на основе демпинговой оплаты труда, при которой мигранты согласны работать за любые деньги. Таким образом, проведенный анализ показывает, что в ДВФО сложилась серьезная диспропорция между стратегией экономического развития и трудовым потенциалом региона» [1, с. 106].

Одним из ключевых вопросов, которые находятся в исследовательском поле, это факторы, влияющие на снижение трудового потенциала Дальнего Востока. В ходе исследований назывались следующие факторы.

– *Низкий уровень жизни. По своим показателям с 2006 г. по настоящее время он имеет тенденцию к снижению. Особенно это заметно в сравнении со стоимостью продуктовой корзины, например, в Приморье, которая превышает среднюю российскую на 31% (Латкин А.П., Кравец А.В.), стоимостью коммунальных услуг, а также с ценами на жильё в регионе, как покупного, так и арендуемого (Кривоногова Л.А.).*

– *Экономический. Он характеризуется противоречивостью ситуации. Так, по сравнению со стоимостью проживания в регионе (затраты на продукты питания, коммунальные услуги, расходы на покупку одежды), очень часто зарплаты не покрывают физические потребности, особенно в семьях с детьми. В Приморском крае в 2017 г. со среднедушевым доходом менее 14 000 руб. проживали 19,7% населения при среднедушевом прожиточном минимуме 12 408 руб. [13]. Схожая ситуация и в других субъектах ДВФО. Распространенным явлением для Дальнего Востока является, с одной стороны, наличие рабочих мест, остающихся долгое время вакантными. С другой – определенная часть населения, проживающая в том же населенном пункте, длительное время не может найти работу. Например, на сайте vl.ru (Виртуальный Владивосток) в 2018 г. в среднем ежедневно работодатели размещали более 7,5 тыс. вакансий [<https://www.farpost.ru/vladivostok/job/vacancy>]. При этом количество резюме, желающих найти работу или поменять, превышает 189 тыс. По состоянию на конец марта 2016 г. на Дальнем Востоке безработица была зарегистрирована на уровне 1,6%, общий уровень безработицы отмечен цифрой 6,2% экономически активного населения.*

– Информационный. Созданный силами СМИ образ Дальнего Востока отличается неблагоприятием в демографическом и миграционном аспектах (Л.А. Кривоносова, А.П. Латкин, А.В. Кравец [8; 10]).

Только одна работа, автором которой является Соловченков С.А., рассматривает влияние реформ на трудовой потенциал в сельском хозяйстве, она выполнена на материалах Еврейской автономной области. Автор выявил следующие особенности трансформации сферы занятости на селе: 1) традиционные схемы занятости были сильно изменены экономическими преобразованиями в стране; 2) сельское хозяйство для многих утратило свою привлекательность как сфера занятости в силу крайне низкого уровня оплаты труда; 3) сформировался неоправданно завышенный уровень занятости в бюджетных и непроизводственных сферах; 4) широкое распространение получила практика удаленной занятости или неоотходничества; 5) происходит переход к городскому образу жизни. Сохранение сельского образа жизни, обязательной частью которого является занятость «на земле», перестает быть приоритетным. Все больше людей стремятся покинуть село [15].

Резюмируя сказанное, отметим следующее:

- 1) тема трудового потенциала в отечественной историографии не утратила своей актуальности;
- 2) с одной стороны, в теоретико-методологическом плане она достаточно разработана ещё советскими предшественниками, с другой — на уровне отдельно взятого региона, такого как Дальний Восток, эта проблематика имеет много «белых» пятен;
- 3) с точки зрения анализа трудового потенциала, преобладающим направлением исследования остается миграционный, реже — демографический фактор влияния;
- 4) делаются первые шаги по выявлению институционального фактора влияния на трудовой потенциал Дальнего Востока;
- 5) не оценено в полной мере влияние образовательного фактора на трудовой потенциал Дальнего Востока с учётом поставленных задач развития территории;
- 6) не установлено значение безработицы как фактора увеличения трудового потенциала;
- 7) анализ литературы даёт основание утверждать, что если в работах 1990-х — начала 2000-х годов акцент делался на проблемах безработицы и оттока кадрового потенциала из региона, то в работах, вышедших после 2010-х годов, акцент смещается в сторону

неспособности Дальнего Востока обеспечить устойчивое развитие территории по причине снижения трудового потенциала. Дефицит кадров в перспективе уже сейчас становится препятствием для реализации государственных программ по развитию региона. В перспективе кадровый потенциал будет восполняться за счёт мигрантов с невысоким уровнем образования и другой культурой — мигрантами из Средней Азии, Китая и КНДР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Андреева М.Ю., Вотинцева Л.И. К вопросу о формировании трудового потенциала территорий опережающего развития Дальнего Востока России // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 1. С. 99–109.
2. Бушмарин И. В. Трудовые ресурсы в экономике России и Запада. М.: ЭПИцентр Харьков: Фолио, 2001. 188 с.
3. Дегтярь Л.С. Трудовой потенциал общества и социальная политика: Из опыта европейских стран – членов СЭВ. М.: Наука, 1984. 195 с.
4. Кириллова О.Г., Савина К.С. трудовой потенциал как экономическая категория // Общество: экономика, политика, право. 2014. № 2. С. 24–27.
5. Колодий-Тяжов Л.А. К вопросу о методологии исследования трудового потенциала // Транспортное дело России. 2012. № 5. С. 15–16.
6. Корогодин И.Т. Общая экономическая теория. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003. 392 с.
7. Котляр А.Э. Рабочая сила в СССР. М.: Мысль, 1967. 176 с.
8. Кривоносова Л.А. Перспективы использования профессионального потенциала трудовых ресурсов на территории российского Дальнего Востока // Реструктуризация человеческих ресурсов на евразийском пространстве: современные тенденции: сб. науч. статей. Саратов, 2014. С. 76–85.
9. Кудрявцева О.В. Теоретические подходы к определениям «трудовой потенциал человека», «трудовые ресурсы», «рабочая сила // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2012. № 1. С. 31–38.
10. Латкин А.П., Кравец А.В. Основные проблемы сохранения и развития трудового потенциала российского Приморья // Вектор

- науки Тольяттинского гос. ун-та. Серия: Экономика и управление. 2017. № 1. С. 23–30.
11. Леонидова Г.В. Трудовой потенциал населения: методологические аспекты исследования // Вопросы территориального развития. 2013. № 7. С. 1–7.
12. Панкратов А.С. Управление воспроизводством трудового потенциала. М.: Изд-во МГУ, 1988. 292 с.
13. Примстат. Распределение населения края по размеру среднедушевых денежных доходов. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/ros7stat_ts/primstat/ru/statistics/standards_of_life (дата обращения: 19.10.2018).
14. Тарасов Ю.И., Иващишина М.В. Сущность экономических категорий «трудовой потенциал» и «занятость», их взаимосвязь с трудовыми ресурсами // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2006. № 3. С. 89–93.
15. Соловченков С.А. Восстановление трудового потенциала в сельском хозяйстве юга Дальнего Востока (на примере Еврейской автономной области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. Ч. 2. С. 153–156.
16. Управление трудовыми ресурсами: справочное пособие / О.П. Апостолов, Л.С. Бляхман, Г.Х. Гендлер и др.; под общ. ред. Л.А. Костина. М., 1987. 343 с.
17. Экономика труда. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. Ю.П. Кокина, проф. П.Э. Шлендера. М.: Магистр, 2010. 686 с.
18. Экономика труда: (социально-трудовые отношения) / под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. М., 2004. 736 с.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ Л.А. КРУШАНОВОЙ

Ващук А.С.: Введение в исторические исследования таких понятий, как «человеческий капитал», «трудовой потенциал», вызывает много вопросов. Не скатимся ли мы, историки, к такому технократизму, когда из исторического полотна уходит человек и остаются только обезличенные конструкции?

Крушанова Л.А.: Я думаю, что здесь необходим междисциплинарный подход, который позволит исследователю удержаться на плаву именно как историку. Политологи, экономисты, не имея возможности ознакомиться с архивными документами, делают

не всегда обоснованные выводы. А историку всегда важно учитывать фон, на котором совершаются те или иные процессы, главная задача историка – реконструкция прошлого.

Ващук А.С.: Как использовать понятие «трудовой потенциал» при изучении реформ на Дальнем Востоке? Не лучше ли обратиться к более конкретным понятиям, например, «трудовые ресурсы»?

Крушанова Л.А.: «Трудовые ресурсы» – это то, что можно использовать здесь и сейчас, но если мы говорим о перспективах развития, приходится оперировать понятием «трудовой потенциал». Например, исследуя трудовой потенциал 1990-х гг., мы можем понять, почему идея создания ТОРов на Дальнем Востоке заранее обречена на поражение так же, как и принятая ранее Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья. Изыскать 115-120 тыс. чел. для работы в рамках ТОРов – это глобальный вызов территории. Сможем ли мы на него ответить?

ОСВЕЩЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРОБЛЕМ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Клименко Г.С.,
аспирант ИИАЭ ДВО РАН

В современных условиях развития исторической науки большая роль отводится пониманию трансформационного пути России и перехода общества к новым социальным отношениям. Российское общество конца XX в. и первого десятилетия XXI в. нельзя понять без анализа социальных перемен, в основе которых лежат реформы, нацеленные на создание новых форм собственности.

История предпринимательства Дальнего Востока неразрывно связана с освоением и социально-экономическим развитием его южной части в конце XIX – начале XX в. В советский период предпринимательство было определено как идеологически чуждое явление, тем не менее оно имело место в теневых формах, особенно заметное к концу советской эпохи. Для государства того времени существование этого явления рассматривалось как угроза социально-экономической стабильности, но объективно оно стало одной из предпосылок для легализации предпринимательства в постсоветской России.

Историографический анализ проблемы истории малого и среднего предпринимательства имеет принципиальное значение для постановки ряда задач. Это возможность проанализировать место проблемы в современной истории вообще и историографическом опыте XXI в., выявить, с чего и в каких политических и социально-культурных условиях начинала изучаться проблема, как формировался исследовательский опыт предшественников, а какие вопросы нуждаются в новой постановке. Для нас важно определить, как в литературе дается понимание нового социального слоя в лице предпринимателей, обращались ли предшественники к изучению ментальных черт этого формирующегося сообщества. Отношение историков к поставленной проблеме в некоторой степени можно считать «зеркалом» состояния современной исторической науки, поскольку в тематическом поле предпринимательства находится центральная проблема социальной трансформации — появление нового класса собственников.

Возрастание внимания историков к формированию новых функций государства в процессе развития предпринимательства наблюдалось в 1990-е гг. Ученые пытались выявить общие закономерности, традиции и особенности взаимодействия власти и бизнеса, однако методологические противоречия между накопленным эмпирическим материалом, свидетельствовавшим о появлении нового многочисленного и активного социального образования – предпринимателей, и отсутствием методологии осмысления роли и новых функций государства в данном явлении сдерживали исследователей. Поэтому эти аспекты пока не являются предметом специального исторического исследования.

Для исследователей Дальнего Востока, активно включившихся в эту дискуссию, важными стали публикации: «Государство и власть: от команды к партнерству» под ред. Ю.М. Осипова [2]; А. В. Шкуропат «Развитие Приморского края: в поисках новой модели» [9] и др., во многом вызванные концепцией преобразований в России, разработанной под руководством академика Г.Г. Шаталина и Е.Т. Гайдара. На основе новых источников, вводимых авторами в научный оборот, был дан анализ изменений экономической и социально-политической структуры российского общества.

Постсоветский период характеризовался не только трансформацией всей государственной структуры в условиях опаснейшего для общества системного кризиса, но и отказом государства от своих прежних жизненно важных функций, в том числе от собственности, контроля деятельности предприятий, поддержки формирующегося нового предпринимательства.

Пестрый состав политического авангарда породил противоречия, раскол и «перерождение». Результаты первой модернизации были разрушены. Вместо «народного демократического капитализма» был создан капитализм «чиновничье-олигархический», названный вскоре «диким капитализмом». В правительстве Б.И. Ельцина этот период оценивался как процесс формирования новой государственной структуры, соответствовавшей интересам новых собственников. Принятие Закона РФ «Об упорядочении государственной регистрации предприятий и предпринимателей на территории РФ» от 08.07.1994 и создание в законодательстве России института коммерческой тайны стимулировали развитие новых форм собственности [8].

Историки запаздывали с исследованием проблем в отношениях власти и бизнеса — нужен был не только определенный временной период для выделения основных тенденций и накопления

репрезентативных источников, но и выработка новой парадигмы для ведения исторических исследований происходящих глубинных процессов модернизации общества в России.

В 2002 и 2003 гг. выходят монографии Л. А. Моисеевой «Государственная политика развития предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985—2000 гг.)» и «История формирования предпринимательства на Дальнем Востоке России как инновационной системы хозяйствования (1985—2000 гг.)», что стало заметным событием в историографии региона [4; 5]. Солидная современная теоретическая и методологическая база, обширная источниковая основа монографий Л.А. Моисеевой показали, что историческая наука Дальнего Востока пополнила историографию по современным проблемам общества.

В своей диссертационной работе Л.А. Моисеева рассматривала предпринимательство в ключе инновационных процессов. Объяснить это можно тем, что отличительной чертой историографии периода становления рыночной экономики являлось то, что развитие этой экономики проходило на фоне кризисного состояния предприятий, остановивших производство. А по мнению большинства ученых, стимулирующим фактором развития деятельности и главным условием выхода из кризиса предприятий может быть только инновационная политика в регионе.

Публикация монографии Л.А. Моисеевой и А.С. Ващук «История предпринимательства на Дальнем Востоке в конце XX — начале XXI в.» явилась логическим продолжением этого направления исследований, показав исторические процессы модернизации российского общества вплоть до 2005 г. [6]. По мнению данных исследователей, предпринимательские структуры и предприниматели Дальнего Востока формировались не столько из частной собственности и условий рынка, сколько из бывшей административно-хозяйственной системы, которая зачастую объединяла предпринимательскую функцию с функцией собственности на капитал. Все это вместе взятое определило и роль предпринимателей в обществе, их влияние на характер социальных отношений, восприятие их другими социальными группами.

Интересен подход к проблеме в работах Е.К. Пилилян. С ее точки зрения, предпринимательство Дальнего Востока России в своем развитии прошло несколько этапов и формировалось в процессе освоения края. Однако реальное действие российского предпринимательского права здесь сдерживалось рядом особенностей. Государство, преследуя в этом регионе военно-

политические цели, поддерживало развитие только отраслей, производивших продукцию на нужды флота и армии. Все необходимое для жизнедеятельности населения должно было ввозиться. Мощного притока капитала в регион не было. Проблемы бездорожья, недостатка рабочих рук и специалистов, малые рынки сбыта, оторванность от экономически развитых и густонаселенных районов диктовали здесь «временность» деятельности предпринимателей. Эти процессы были характерны как для дореволюционного периода развития Дальнего Востока, так и в постсоветский период. Особенно остро проблемы формирования предпринимательства проявились в середине 1990-х г., когда регион получил определенную степень самостоятельности и находился в поиске возможностей дальнейшего развития. В этот период начался стихийный выход дальневосточных предпринимателей на рынки стран АТР, однако главным продуктом экспорта были сырьевые ресурсы. Это негативно сказалось на роли России в интеграционных процессах данного региона, однако позволило выжить предпринимательству на этом сложном для всей страны этапе становления рыночной экономики [7].

В совместной работе Ю.Н. Ковалевской и Л.А. Крушановой предпринимательская деятельность на Дальнем Востоке рассматривается как легальный/нелегальный социальный институт и часть повседневной жизни. Авторы считают, что государство не смогло создать институциональную среду, которая способствовала бы развитию мелкого бизнеса, хотя и декларировало его социальную значимость. В работе говорится о том, что появление частного предпринимательства и, как следствие, быстрое обогащение некоторых людей в стране, где большинство населения имело только советский опыт проживания в государственно-распределительной системе, не могли не порождать конфликты и социальное напряжение. Ситуацию усугубляло отсутствие многих товаров в государственной торговле. Первые кооператоры и частные предприниматели действовали в ситуации правовой и моральной неопределённости, постоянно балансируя на тонкой грани между законом и его нарушением. Приватизация государственной собственности на Дальнем Востоке, как и по всей стране, приводила к переходу в частные руки высокорентабельных предприятий, банкротствам и распродаже активов менее выгодных производств. Погибли целые отрасли и градообразующие предприятия (например, добыча угля в Партизанском районе Приморья и Углегорском районе Сахалина и др.). Кооператоры и мелкие предприниматели не могли конкурировать с

новым поколением «номенклатурных» бизнесменов и «красными директорами», которые использовали административный ресурс и государственные средства [3].

А.С. Ващук в своих работах рассматривает предпринимательство 1990-х гг. как новую социальную структуру, сложившуюся на пути реформ, связанных с формированием новых форм собственности. Дальневосточное сельское хозяйство как форма малого предпринимательства и среднее предпринимательство прошли этап возрождения из пепла «шоковой терапии». Экономическая специфика региона, особенности человеческого потенциала во многом обусловили преобладание предпринимателей так называемого купеческого образа. В конкретном историческом пространстве «переплелись псевдорыночные элементы и наличие природных ресурсов, открытие национальной экономики для влияния внешних воздействий – снятия монополии государства на внутреннюю и внешнюю торговлю. Подавляющая часть предпринимателей быстро адаптировалась к этим условиям» [1].

Многие исследователи считают период 1990—1991 гг. «возрождением предпринимательства», хотя, на самом деле, о предпринимательстве можно говорить только с началом узаконивания процесса разгосударствления собственности. По мнению А.С. Ващука, никакого «возрождения» вовсе не было, а сложилось совершенно новое явление в условиях развития постсоветской рыночной экономики.

История развития предпринимательства на Дальнем Востоке испытала на себе, прежде всего, воздействие системы внутренних императивов. Характер и способы проведения приватизации, темпы смены форм собственности, нормативно-правовая база, несовершенная налоговая система, крайне сложный порядок регистрации фирм и т.д. формировали культуру предпринимательства в нашем регионе. Дальнейшие исследования требуют изучения всех аспектов предпринимательства, в том числе более подробное освещение источников его формирования.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ващук А.С. Формирование многоукладности в дальневосточном селе (конец XX – начало XXI вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. №4 (35). С. 7-19.

2. Государственная власть и предприятие: от команды к партнерству / под ред. Ю.М.Осипова. М.: Международные отношения, 1991. 366 с.
3. Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 — начале 1990-х гг.: от «барахолки» к рынку // Россия и АТР. 2016. С. 96–112.
4. Моисеева Л.А. Государственная политика развития предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985—2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2002. 411 с.
5. Моисеева Л.А. История формирования предпринимательства Дальнего Востока России как инновационной системы хозяйствования (1985—2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2003. 455 с.
6. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке в конце XX в. — начале XXI века. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
7. Пилилян Е. К. Особенности формирования предпринимательства на юге Дальнего Востока России в начале XXI в. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 2151–2155.
8. Указ Президента РФ от 08.07.1994 N 1482 (ред. от 21.10.2002) «Об упорядочении государственной регистрации предпринимателей на территории Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4024/ (дата обращения: 20.11.2018).
9. Шкуропат А.В. Развитие Приморского края: в поисках новой модели // Приморский край на путях перехода к рыночной экономике. Владивосток: ДВО РАН, 1991. С. 9-11.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ Г.С. КЛИМЕНКО

Дударёнок С.М.: Несколько лет назад в статье американского автора я встретила такую оценку: «Приморье — это Сицилия для России». По мысли автора, в начале 1990-х гг. Приморье стало полигоном, где апробировались основные криминальные схемы, которые после этого внедрялись в других регионах нашей страны. Встречались ли вам в западной историографии подобные оценки?

Клименко Г.С.: Да, например, в книге «Приватизация и переходный период в России в начале 1990-х гг.» ее авторы Кэрол Скотт Леонард и Дэвид Питт-Уотсон высказывают мысль о том, что вся Россия в 1990-е гг. стала полигоном для апробации различных криминальных схем.

ДЕФИНИЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ/ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В ИСТОРИОГРАФИИ 1990-Х ГГ.

Федирко О.П.

д-р ист. наук, в.н.с. ИИАЭ ДВО РАН

ДЕФИНИЦИЯ — (лат. *definition* – определение, истолкование) логическая операция:

1) раскрывающая содержание (смысл) имени посредством описания существенных и отличительных признаков предметов или явлений, обозначаемых данным именем (денотата имени)

2) эксплицирующая значение термина

Формирование дефиниции государственно-конфессиональные /церковные отношения стало активно разрабатывать в отечественном религиоведении в начале 1990-х г. Распад Советского Союза, принятие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990), принятие Конституции РФ 1993 г. стимулировали осмысление процесса регламентации взаимоотношений государства и религиозных объединений со стороны историков и юристов. Большинство авторов обратили свое внимание на историю конституционно-правовой базы взаимоотношений государства и конфессий в советский период. Все они в той или иной мере использовали в своих работах дефиницию государственно-конфессиональных/церковных отношений.

Отношения государства с религиозными объединениями сегодня обозначаются различными терминами, далеко не все из которых могут быть признаны вполне корректными и достаточно универсальными. Наиболее употребительными являются термины: «государственно-церковные отношения», «государственно-религиозные отношения», «государственно-конфессиональные отношения», «отношения государства и религиозных организаций (объединений)».

Государственно-церковные отношения — привычное, часто употребляемое, в том числе в официальных документах, понятие. Однако это выражение некорректно употреблять применительно к религиозным объединениям мусульман, буддистов, иудеев, последователей других религий, в вероучениях которых нет понятия «Церковь».

Понятие **государственно-религиозные отношения** некорректно из-за разнородности, разнопорядковости упоминаемых в нем

субъектов отношений. Государство вступает в отношения не с религией как с мировоззрением, учением, а с религиозными объединениями, организованными обществами верующих людей.

Понятие **государственно-конфессиональные отношения** представляется более корректным. Его недостатком можно считать лишь то, что понятие «конфессия» не определено в законодательстве и может трактоваться как «вероучение», «вероисповедание» или же как совокупность религиозных объединений одного вероучения.

Наиболее адекватно отражающим суть дела представляется понятие **отношения государства и религиозных объединений**.

Одним из авторитетнейших исследователей истории взаимоотношений государства и религиозных объединений в России является М.И. Одинцов. В середине 1990-х гг. он издал две обобщающие монографии, посвященные государственно-конфессиональным отношениям в СССР в период Великой Отечественной войны [6] и в XX в. в целом [5], а в 1996 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук [4].

В своих работах исследователь использует термин государственно-церковные отношения, уравнивая тем самым организационные структуры государство и Церковь. По мнению М.И. Одинцова, «история государственно-церковных отношений, эволюция политики государства в «религиозном вопросе» в течение XX столетия предстают как последовательная смена «моделей» [4, с. 6]. Эти модели соответствуют формам правления в России, сменявшим друг друга в XX в.: монархии, буржуазной и советской республик. Кроме того, они различаются по идеологическим подходам к идее свободы вероисповеданий, по участникам внутри- и внешнеполитических процессов. Исследователь отмечает, что «в 1980—1990-х гг. происходит формирование новой модели церковной политики современного российского государства..., [которая]... может быть только синтезом исторического опыта разрешения “религиозного вопроса”» [4, с. 42], подчеркивая тем самым незавершенность этого процесса. В то же время он предостерегает как от политизации и идеологизации вероисповедной политики, так и от недооценки «религиозного фактора». По его мнению, «необходимым элементом в системе государственно-церковных отношений (на федеральном и региональном уровнях) должен явиться специальный орган, непосредственно осуществляющий политику государства в отношении религии, церкви и верующих» [4, ч. 43]. Однако, как показало время,

такой орган в системе государственно-конфессиональных отношений в России не создан и по настоящее время.

Крупный исследователь сталинской религиозной политики О.Ю. Васильева предложила новые оценки рассматриваемого периода. В 1990 г. ею защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Советское государство и деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны». Изучая государственно-церковные отношения, сложившиеся между Русской православной церковью (РПЦ), автор на основе ранее закрытых архивных документов, проанализировала развитие этих отношений не только в военные, но и предвоенные годы.

Специалистами выделяются три периода в государственно-церковных отношениях с 1917 по 1945 гг., каждый из которых характеризуется своими особенностями.

I. С момента принятия Декрета от 23.11. 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» до бюрократического циркуляра ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 г. «О религиозных объединениях» [2]. Этот период характеризуется со стороны государственной власти действиями, направленными, во-первых, на лишение церкви любого вида собственности и права юридического лица, во-вторых – на дискредитацию священнослужителей и религии в сознании верующих, составляющих большинство населения страны. В свою очередь Церковь, подавленная административными методами и репрессиями, идет на компромисс и заявляет о своей полной лояльности по отношению к тоталитарному режиму.

II. От принятия Постановления ВЦИК и СНК РСФСР (8 апреля 1929 г.) «О религиозных объединениях» до встречи И.В. Сталина в Кремле с тремя оставшимися на свободе митрополитами РПЦ (Сергием, Алексием и Николаем) 4 сентября 1943 г. Постановление 1929 г. по существу запрещало деятельность церкви и устанавливало жесткий контроль со стороны НКВД [2, с. 21].

III. От встречи И.В. Сталина с митрополитами (4 сентября 1943 г.) до нового всплеска массового закрытия (более 15 тысяч) церквей в начале 1960-х гг., связанного с началом объявленного Н.С. Хрущевым «строительства коммунизма» [2, с. 21]. Этот третий период в государственно-церковных отношениях автор обозначила периодом «временного перемирия», когда государство попыталось приспособить церковь к укреплению своей власти, а церковь собрала оставшиеся после репрессий силы, подготовила и обновила кадры

священнослужителей перед новым разгромом в начале 1960-х гг. [2, с. 2].

Обобщением проведенного исследования стала докторская диссертация, защищенная О.Ю. Васильевой в 1999 г, хронологически охватывающая третий из вышеназванных периодов [1].

Продолжила работу по анализу взаимоотношений власти и РПЦ в 1940-е – начале 1950-х гг. Т.А. Чумаченко, защитившая кандидатскую диссертацию в 1994 г. [7] Для понимания особенностей этого периода ею была предложена собственная формулировка государственно-церковных отношений, под которыми она понимает «совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей между институтами государства и институциональными религиозными образованиями (религиозными объединениями, религиозными партиями, религиозными движениями, международными конфессиональными центрами), одна из составных частей внутренней и внешней политики государства» [7, с. 7].

А.В. Горбатов, исследователь из г. Кемерово, избрал для своего диссертационного исследования период с 1943 по 1969 гг. Обосновывая хронологические рамки, автор выделил два периода в истории церковно-государственных взаимоотношений (в авторской редакции – О.Ф.): 1943—1957 гг. – период «институционального религиозного возрождения... и относительно стабильным и толерантным развитием отношений государства к религиозным организациям» [3, с. 11], и 1958—1969 гг. – период «отказа государства от поступательного развития церковно-государственных отношений..., началом разворачивания антирелигиозной кампании» [3, с. 13]. Анализируя события столь различных по содержанию периодов, автор изучал советское законодательство о культах и его влияние на жизнедеятельность религиозных объединений, а также раскрыл методы, средства и формы работы центральных и местных органов власти в процессе практического осуществления политики государства в отношении религии.

Выделяя предмет исследования, ученый фактически сформулировал определение вводимого им термина «церковно-государственные взаимоотношения», толкуя их как «совокупность правовых, политических, экономических и социальных отношений между религиозными структурами и государственными органами в соответствии с конституционными нормами» [3, с. 14].

Проблемы государственно-церковных отношений советской эпохи стали объектом анализа М.В. Шкаровского, В. Цыпина и других авторов.

М.В. Шкаровский в октябре 1996 г. защитил докторскую диссертацию «Русская Православная Церковь и религиозная политика Советского государства в 1939-1964 гг.» [8]. На ее основе в 1999 г. была опубликована обобщающая монография [9], в которой были выделены основные этапы государственно-церковных отношений в СССР. Вслед за предшественниками он выдел пять периодов с 1917 по 1964 гг.: 1917—1938 гг., 1939—1941 гг., 1943—1953 гг., 1953—1957 гг. и 1958—1964 гг., определяя в них факторы, влияющие на государственную религиозную политику.

Историками 1990-х гг. были разработаны основы периодизации государственно-конфессиональных отношений в России, в основе которых — не только изменение политического строя государства, а прежде всего подходы к выстраиванию вероисповедной политики государства.

Несмотря на то, что историками 1990-х гг. был введен в научный оборот новый понятийный аппарат, можно утверждать, что термины «государственно-конфессиональные отношения», «государственно-религиозные отношения» и др. употребляются учеными как равнозначные и характеризующие процесс, в котором участвуют государство и религиозные объединения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 294 с.
2. Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1990. 26 с.
3. Горбатов А.В. Церковно-государственные взаимоотношения в Кемеровской области, 1943—1969: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1996. 171 с.
4. Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России (На материалах отечественной истории XX века): дис. ... д-ра ист. наук в виде научного доклада. М., 1996. 50 с.
5. Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.

6. Одинцов М.И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: РАГС, 1995. 222 с.
7. Чумаченко Т.А. Советское государство и Русская Православная Церковь: история взаимоотношений: 40-е — первая половина 50-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 245 с.
8. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и религиозная политика Советского государства в 1939—1964 гг.: дис. ... д-ра .ист. наук. СПб., 1996. 508 с.
9. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. 400 с.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ О.П. ФЕДИРКО

Ващук А.С.: Сегодня на наших глазах меняются отношения между государством и церковью. На основе каких теоретических положений можно оценить этот процесс?

Федирко О.П.: За основу берётся вероисповедная модель. Таких моделей достаточно много, поскольку мир многополярен, многообразен. Для оценки процессов, происходящих сегодня, мы можем использовать исторический опыт России и зарубежный опыт. Примеры грамотного взаимодействия есть: их можно найти не только за рубежом, но и в истории нашей страны. Например, одним из эффективных инструментов взаимодействия был Совет по делам религий, который действовал с 1965 по 1991 гг., многие специалисты сегодня ратуют за возвращение этого института.

Ващук А.С.: Есть ли научные исследования, где оценивается пройденный путь на основе концепта «власть и общество»?

Федирко О.П.: Общероссийскую ситуацию анализируют Одинцов М.И., Трофимчук Н.А. Дальневосточные реалии нашли отражение в работе Трофимчука Н.А. и Свищева М.П. «Экспансия», где рассматривается проникновение новых религиозных культов на территорию нашей страны в 1980—1990-е гг. и их влияние на социально-политические процессы. Хочу отметить, что в последние годы говорить об этом стало не так просто. Критика в адрес РПЦ всё чаще замалчивается. После принятия «закона Яровой» наступает новый этап государственно-конфессиональных отношений. Теперь многие религиоведы с ностальгией вспоминают о периоде конца 1990-х — начала 2000-х гг., когда можно было свободно высказывать своё мнение и обсуждать любые проблемы.

Ващук А.С.: Президент В.В. Путин недавно говорил о необходимости возобновления института военных священников, который важен для духовного развития российских военнослужащих. О чём, на ваш взгляд, свидетельствуют подобные заявления?

Федирко О.П.: РПЦ не может жить без поддержки государства, это доказывает советский опыт и опыт 1990-х гг. Если говорить об институте военного капелланства, то попытки его возрождения в современной России потерпели крах. Изначально декларировалось, что при создании подобного института должен учитываться принцип свободы совести, но на практике оказалось, что это не так просто. Был введён «норматив»: один священнослужитель на 10 тыс. верующих, а при таких условиях говорить о свободе совести можно только с большой натяжкой. Через несколько лет подобные инициативы сошли на нет, так как выяснилось, что в результате деятельности военных капелланов уровень религиозности военнослужащих не повысился, и уровень духовности фактически не изменился. Практика показывает, что в религиозных вопросах определяющую роль играет семья, что касается других общественных институтов (школа, армия и пр.) – их влияние минимально. Иными словами, ощутимых результатов добиться не удалось, но под этот проект церковь получила дополнительное финансирование от государства.

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ «ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» В РОССИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Дударенок С.М.,

д-р ист. наук, проф. ДВФУ

С 1990-х гг. российский Дальний Восток теряет свое постоянное население, но получает определенный приток трудовых мигрантов. Большую часть из них составляют узбеки и таджики. Несколько менее популярен регион у кавказцев (азербайджанцев, дагестанцев, чеченцев) и у китайцев. Благодаря значительному росту мигрантов начала формироваться исламская инфраструктура и халяль-индустрия. Ряд исследователей утверждает, что идет планомерный процесс исламизации Дальнего Востока, что представляет собой бомбу замедленного действия.

Многофакторный характер исламского возрождения в современной России имеет позитивные и негативные последствия. Позитивный характер имеет возрастание активности ислама в области благотворительности и духовно-нравственного воспитания верующих. Как и другие мировые религии, ислам в качестве традиционной для России религии (в той мере, в какой он избегает политизации) содействует социальной стабильности, укреплению семьи, общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Негативный социальный характер имеют последствия активизации «политического ислама» в России. Идеи фундаментализма, «чистого ислама», «идеального мусульманского общества», «возрожденчества» в XX в. вновь обрели силу и получили свое воплощение в религиозно-политической организации «Братья-мусульмане», возникшей в Египте в 1929 г.

Краткая историческая схема распространения ислама на Дальнем Востоке такова.

С конца XIX в. основу мусульманского сообщества Дальнего Востока представляли переселенцы из губерний Среднего, Нижнего Поволжья и Урала, т.е. в основном татары, мишари и башкиры. В 1989 г., согласно переписи, в регионе насчитывалось 104 697 представителей народов Поволжья (татар, мишарей и башкир), выходцев из Средней Азии – 30 696, с Северного Кавказа – 14 547, азербайджанцев – 19 374, прочих – 647. В 1989–2010 гг. татарское и башкирское население в ДВФО сократилось на 55% – до 46 799 чел.

За 1991–2013 гг. общая численность населения региона уменьшилась на 22,7%, а мусульман – на 29% (с 169 961 до 119 889 чел.). Но благодаря притоку мигрантов из Центральной Азии состав мусульманской общины на Дальнем Востоке меняется. По словам начальника Управления Федеральной миграционной службы по Приморскому краю М. Белобородова, только за первое полугодие 2014 г. на миграционный учет здесь поставлено более 116 тыс. чел. По статистике в край ежегодно приезжает 24 тыс. граждан Узбекистана и Таджикистана, 19 тыс. граждан КНР. Китайцы, поработав определенное время, уезжают на родину. С гражданами государств Центральной Азии ситуация другая. Они пытаются всеми возможными способами остаться здесь на постоянное жительство.

Отношение к последним дифференцировано. В соцопросах жители Дальнего Востока отвечают, что наиболее нежелательны для соседства выходцы из Чечни, Дагестана (62,7%), а также Азербайджана, Армении, Грузии (51,9%). Отрицательно относятся и к перспективе приезда на постоянное жительство в регион представителей народов Центральной Азии – Таджикистана, Узбекистана, Киргизии (50,9%) и китайцев (52,2%). Особенно негативная реакция проявляется в местах, где трудовые мигранты наиболее заметны. Нередко можно услышать: «Нам страшно», «Зачем они к нам приехали?»

Этнокультурные и территориальные особенности исламского возрождения на Дальнем Востоке России.

Мусульмане Дальнего Востока консолидируются по земляческому признаку: выходцы из Поволжья – татары, башкиры; представители Кавказа – чеченцы, аварцы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки и ингуши; представители центральноазиатских государств – узбеки, таджики. Данные соц. исследования, проведенного в декабре 2017 г., показали, что наибольшее число верующих было обнаружено среди респондентов северокавказской (43,8%), среднеазиатской (28,6%), закавказской (20,3%) национальных групп. Среди выходцев из Поволжья верующих около 12,1%.

Довольно сложны взаимоотношения этих групп по вопросу лидерства. При сохранении интенсивности миграционных потоков из государств Центральной Азии роль исламского фактора в общественных взаимоотношениях на Дальнем Востоке будет возрастать.

Участие татар в религиозной жизни мусульман на Дальнем Востоке сравнительно скромное, в мечеть они почти не ходят. Поэтому неудивительно, что в ряде регионов ДВФО у истоков исламского

возрождения оказались приезжие с Северного Кавказа и из Центральной Азии.

Руководители приморских мусульман.

После ухода А. Магрупова в 2001 г. умму Приморского края возглавил татарин, но родившийся и выросший в Узбекистане, – Дамир (Абдаллах) Ишмухамедов. В 2000–2013 гг. он был лидером мусульман Приморья, председателем Казыятского управления мусульман Приморского края, муфтием Дальневосточного региона от ДУМАЧР.

Его сменил ингуш Рукман Картоев, который в 2013 г. был также избран председателем объединения «Духовное управление мусульман Приморского края» (не получившего официальной регистрации).

В Амурской области первую мусульманскую общину возглавил бывший военный, уроженец Узбекистана Исмаил Усманджанов. Председателем мусульманской общины Благовещенска в системе ЦДУМ является этнический узбек из Киргизии Абдимухтар Палванов.

В Еврейской автономной области Имам-хатыбом организации «Махалля Ахли Тарикат» стал уроженец Таджикистана Саидрахмон Расулов.

В Камчатском крае религиозную организацию возглавляли выходец из Дагестана Усман Усманов (1998–1999), чеченец Алани Дабуев (2000–2010). Уроженец Дагестана Башир Баширов (с 2010 г.)

Одной из самых активных мусульманских организаций на Дальнем Востоке является «Нур» в Комсомольске-на-Амуре. Ею руководит уроженец Таджикистана Абдулкасым Абдуллоев, а первым и вторым имамами местной мечети были выходцы из Дагестана.

Исламский радикализм.

В ДВФО действуют несколько радикальных организаций, состоящих как из мигрантов, так и из местного татарского населения. В их числе запрещенные: Исламская партия Туркестана (ИПТ, прежнее название – Исламское движение Узбекистана) и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского возрождения).

Россия – многонациональное, многоконфессиональное федеративное государство. В настоящее время, по данным Совета муфтиев России, здесь проживает 20 млн мусульман (15% населения страны). Однако число мусульман в России стремительно растет. Существуют сведения, что в Москве ежегодно ислам принимают 10–20 тыс. чел., 60% из них – русские. Из последних большинство ранее были атеистами и в основном это девушки в возрасте от 17 до 21 года.

Мусульмане традиционно, на протяжении нескольких столетий занимали важное место в политике, экономике, культуре нашей

страны. В настоящее время, по мнению многих исследователей, роль ислама в России меняется. Эти изменения происходят стремительно: за несколько десятилетий исламская культура, ранее имевшая в России локальный характер, распространилась по всей территории страны. Мусульманские политические, экономические и культурные деятели повысили свой статус в обществе и прочно закрепились на страницах печати, Интернета и в телеэфирах. В целых отраслях экономики стали доминировать выходцы из исламского мира.

Государственная PR компания формирует образ мудрого, сильного, лояльного государству горца – мусульманина (например, покойный Ахмат Кадыров). Совершенно очевидно, что ислам выигрывает конкуренцию у других конфессий на территории России, меняет расстановку политических сил и направления культурного развития страны. Увеличение числа мусульман среди элит ведет к усилению их политической роли. Исламская политическая элита активно проводит наступательную политику, лоббируя свои интересы.

В чем же причина изменения отношения к исламу в российском обществе, и какое значение будет иметь ислам для России в будущем? В современной историографии имеются разные точки зрения.

С. Градировский – богослов, эксперт по миграционным вопросам при президенте РФ, рассматривает эту проблему в рамках концепции С. Хантингтона и О. Шпенглера, представляя современную популяризацию ислама в России как глобальный процесс столкновения соседних конкурирующих культур. При этом на русскую цивилизацию переносится идея Шпенглера об упадке и разрушении «старых» цивилизаций. В частности, С. Градировский говорит о возникновении, некоего «религиозно-культурного пограничья» на стыке русской культуры и культуры Исламского мира.

Возникновение этого пограничья исследователь прямо объясняет по Хантингтону: «Столкновение идентичностей – реальность глобализирующегося мира, в котором давление геокультуры как со стороны Севера, так и со стороны Юга порождает колоссальное обоюдное недоверие. И, конечно же, страх – страх секулярного, малодетного населения Севера перед традиционно религиозным (и потому куда успешней воспроизводящим свои идентичности) многодетным населением Юга». При этом, влияние социально-экономических факторов Градировский отрицает: «возникновение которого (ислама) было вызвано не столько “катастрофической” перестройкой экономического уклада, сколько, во-первых, сломом грандиозной системы пространственного развития евразийского мира,

осуществляемого Москвой в рамках тотальной индустриализации; во-вторых, сменой демографической модели всех европейских народов бывшей империи; в-третьих, доминированием на постсоветском пространстве двух типов массовых человеческих течений – т.н. «западного дрейфа» и «южного антропотока» [3].

Сходных взглядов придерживается Е. Чудинова, которая описывает современные взаимоотношения исламского и западного мира как конфликт религий и цивилизаций. В своей футуристической книге «Мечеть Парижской Богоматери» она воссоздала картину ближайшего будущего, когда в Европе уже католики окажутся в меньшинстве и будут вынуждены с оружием в руках бороться за свои религиозные и культурные права [6].

Л.Р. Сюкияйнен развивает близкий, но менее радикальный подход. В частности, он считает, что возникновение исламской проблемы в современной России – это результат длительной оторванности российских мусульман от остального исламского мира, от ведущих центров исламского знания. У российского ислама нет практического опыта решения жизненных проблем. Ученый подробно описывает классические взгляды на исламские основы власти и права, отношения человека и государства, общества в целом, в этом понимании ислам очень пригодился бы современной России. «Современный ислам — интернациональное явление, и практически все процессы, протекающие в российском исламе, тесно связаны с тем, что происходит в исламском мире». Таким образом, Сюкияйнен утверждает, что Россия сама себе создает исламскую проблему, а при правильном управлении ислам принесет только пользу новой России. Распространение ислама в России — это мировая тенденция, тесно связанная с бурным развитием Исламского мира [5].

В этой же идеологической парадигме ведет свои размышления И.Л. Алексеев, который отмечает объективные факты усиления ислама во всем мире и заключает, что ислам «обречен быть весьма влиятельным фактором геополитики». Россия должна это учитывать и использовать [1].

По мнению участников круглого стола «Ислам и российская контр-элита: болезнь или спасение?» [4], современная популяризация ислама — это искусственный процесс. Описывая роль российских политических элит в этом процессе, эксперты говорят так: «Часть наших “гигантов мысли” увлеклась исламом и исламизированным фундаментализмом». Характеризуя исламский мир, они приводят определения Леви-Стросса: ислам — это религия лачуг. Современное

усиление позиций ислама в России стало возможно как раз из-за экономического упадка, так как ислам процветает там, где нет модернизации политической и экономической сфер общества. Проф., доцент МГУ Д.М. Володихин считает: «На высших уровнях межкультурного контакта между нами и миром ислама не может быть ничего, кроме войны. У нас разные веры, и даже и при наивысшем градусе терпимости в Последней Битве мы будем на разных сторонах. Нет врагов, нет друзей, есть интересы». Таким образом, на этом круглом столе был сделан вывод о том, что популярность ислама в современной России искусственная, ислам используется политическими элитами для реализации своих антинародных планов, перспектив дальнейшего развития ислам в России не имеет, а государственная политика по отношению к распространению ислама должна быть жесткой.

Для адекватной оценки роли ислама в современной России необходимо вспомнить культурно-идеологическую и политическую ситуации в России 1990-х гг., который стал благодатным временем для подъема исламской культуры в России. Советская идеология рушилась, гражданам России упорно внушалась идея отсталости, ущербности их культуры и насаждались западные ценности, прежде всего всякого рода свободы (слова, действия, отношений, мыслей и т.д.). Менялся фундамент экономических отношений (частная собственность и рыночные отношения). Россия начала подражать своим западным «кумирам» в экономике, политике, культуре. Но вместо благополучия настал экономический и политический кризисы, социальные потрясения, падение нравственности, рост насилия, разрушение института семьи, снижение общего культурного уровня, что привело к критическому отношению к ценностям Запада. Наибольший протест новая насаждаемая культура вызвала у исламских народов России. Возникший духовный вакуум стала заполнять новая исламская идеология. Государство в силу своей слабости не могло влиять на этот процесс, поэтому российский исламский мир наполнили антигосударственные, антироссийские направления. Отсюда резкий всплеск экстремизма, национализма, радикализма в исламской среде, прежде всего среди мусульманской молодежи, которая оказалась наиболее подвержена этому влиянию. Для ислама характерна жесткая дисциплина, крепкая многодетная семья и брак, поддержка соплеменников, что предопределило успешную адаптацию мусульман в новых для себя условиях и распространение ислама в России. В ситуации социально-экономической катастрофы 1990-х гг. мусульмане в

силу своих национальных особенностей (склонность к коммерции, коллективизм) оказались лучше приспособлены к новым условиям и заняли свои ниши в новой политической и экономической сферах российского общества. Как показал в своей работе Л.А. Баширов, хотя ислам и понес сильный идеологический удар к началу периода «восстановления», за счет большей дисциплины и мощной поддержки мусульман из-за границы ему удалось быстро окрепнуть. А масштабная внутренняя и внешняя миграция способствовали распространению культуры ислама по регионам России [2].

По мнению С. Градировского, в исламе униженные и оскорбленные граждане России просто искали защиту от произвола государства, идеологическую опору, возможность для своего культурного совершенствования, а также альтернативу «бандитской» культуре и политике периода 1990-х гг.

Процесс усиления ислама в российском обществе обязательно должны быть под контролем государства. Для России не приемлем радикальный ислам с принижением положением женщины, религиозным фанатизмом, религиозной нетерпимостью, отрицанием искусства и прогресса.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев И. Ислам и политика (мусульмане СНГ в посткоммунистическом мире) // Церковь в современном мире. 2005. № 29. URL: http://www.nasledie.ru/oboz/N29_93/29_05.HTM (дата обращения: 19.05.2012).
2. Баширов Л.А. Ислам в контексте этнополитических процессов в современной России: автореф. ... д-ра филос. наук. М., 2009. 81 с.
3. Градировский С. Культурное пограничье: русский ислам // Государство и антропоток: веб-альманах. URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a258.htm> (дата обращения: 10.09.2016).
4. Круглый стол «Ислам и российская контр-элита: болезнь или спасение?». URL: <http://udod.traditio.ru/islam.htm> (дата обращения: 03.02.2018).
5. Сюкияйнен Л.Р. Российская власть и ислам // Отечественные записки. 2003. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=14&article=687> (дата обращения: 04.12.2015).
6. Чудинова Е. Прошло время, когда можно было безнаказанно оскорблять христиан // Религия и СМИ. URL:

<http://www.religare.ru/analytics22788.htm> (дата обращения: 23.04.2018)

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ С.М. ДУДАРЕНОК

Фетисова Л.Е.: Татаро-башкирская общественная организация в Приморье всегда функционировала как религиозно-культурное сообщество, и это позволяло относиться к ней с должным уважением. Что касается среднеазиатской диаспоры, то здесь мы получаем чисто религиозное нашествие, причём, достаточно, агрессивное, культурный компонент практически отсутствует, вы согласны со мной?

Дударёнок С.М.: Согласна. Причём, масштабы поражают: в Приморском крае сегодня состоит на учёте порядка 114 тыс. мусульман-мигрантов из Средней Азии, но, по данным имама, реальная цифра составляет 200 тыс. человек (это каждый десятый житель Приморского края). И если темпы прироста мусульманской диаспоры и темпы оттока населения из Приморья останутся прежними, то самые пессимистичные сценарии экспертов выглядят вполне вероятными.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1990-Е ГГ.: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Ковалевская Ю.Н.,

канд. ист. наук, ст.н.с. ИИАЭ ДВО РАН

Повседневность является лабораторией реформ, а также их наиболее конкретным результатом, затрагивающим жизненные интересы всех людей. Не только в России, но и во всех странах бывшего социалистического лагеря (Польша, Чехия, ГДР) граждане ожидали, что новое общество обеспечит им не только «демократию» и «рыночную экономику», но и социальную справедливость, рост уровня жизни и появление современных рабочих мест. Согласно исследованиям С.П. Глинкиной, Н.В. Коровициной и др. в реальности этот переход для большинства населения имел противоположный итог [6, 10, 11].

По мнению С. Кларка, резкий переход к рынку через «шоковую терапию» в России привел к экономическому коллапсу, беспрецедентному в мировой истории [16]. Неравенство доходов в 1985–1998 гг. возросло от скандинавского уровня до латиноамериканского: индекс Джинни вырос с 0,22 до 0,48, коэффициент фондов – с 3 до 17 [13].

Параллельно росту социального расслоения происходила дифференциация доходов территорий. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,5 раза. В 1995 г. она выросла до 14,2 раза, в 1997 г. была равна 16,2 [2]. Согласно концепции Н. Зубаревич, Дальний Восток, за исключением региональных столиц (Хабаровска и Владивостока), относится к «третьей России», где невозможно развитие, и население обречено на выживание [8].

Уход государства из сферы жизнеобеспечения породил на Дальнем Востоке деградацию материальной и культурной инфраструктуры, а также развитие неформальных и теневых практик, что отражено в работах Л.Е. Бляхера, Т.Н. Журавской, Н.П. Рыжовой и др. [5, 7, 14].

Социальная природа постсоветского общества настолько явно не соответствует тем целям, о которых заявляли реформаторы, что ее определение вот уже 25 лет вызывает острые дискуссии. На этом дискуссионном поле выросли множество объяснительных моделей:

транзитология, неолиберализм, теория «ресурсного государства» С. Кордонского, концепция «раздаточной экономики» О. Бессоновой, России как феодального общества В. Шляпентоха, неформальной экономики Т. Шанина и др. [3, 9, 12, 15].

Британский исследователь М. Буравой определяет характер постсоветской трансформации как «инволюцию», т.е. перераспределение без развития: «Произошла мутация социалистической экономики, сдвиг от плана к клану. Ни социализм, ни рынок не могут помочь в понимании нового порядка, который представляет собой нечто иное. Можно сказать, что неформальная экономика, выросшая в недрах государственного социализма, разорвала свою защитную оболочку и прошествовала на международную арену» [4, с. 65]. Представители «новой институциональной теории» считают, что в 1990-е гг. в России сформировались экстрактивные институты, то есть изъятие всех ресурсов общества в интересах узкого социального слоя [1].

Таким образом, в зарубежной и отечественной научной литературе выявлены общая специфика реформ 1990-х гг. и кризисный характер повседневности той эпохи. Однако изучение качественного своеобразия повседневности на Дальнем Востоке еще далеко от завершения, учитывая размер и разнообразие территорий, многообразие видов деятельности и практик выживания в этот период.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Аст, 2016. 693 с.
2. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991—2001 гг. / сост. Кара-Мурза С.Г. URL: http://www.patriotica.ru/actual/white_book.html (дата обращения: 10.09.2018).
3. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
4. Буравой М. К теории экономической инволюции: исследование российской эксплоярной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир /Под ред. Теодора Шанина. – М.: Логос, 1999. С. 63-66.
5. Бляхер Л.Е. Моральная политика и моральная экономика, или игра в перепрятуски доходов. М.: МОНФ, 2000.

6. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014. 84 с.
7. Журавская Т.Н. «Серый импорт» в Благовещенске: что нового? // Экономическая социология. Т. 12. №1. 2011. С. 54-71.
8. Зубаревич Н. Четыре России отменяются // Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/12/20/62443-natalya-zubarevich-chetyre-rossii-otmenyayutsya> (дата обращения: 10.09.2018).
9. Кордонский С.Г. Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM, 2007. 108 с.
10. Коровицина Н.В. Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах // Социс. 2002. № 5. С. 9–18.
11. Коровицына, Современные восточноевропейские пути на примере Польши // Новая и новейшая история. 2017. № 2. С. 104–115.
12. Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. 576 с.
13. Россия в цифрах. 2016: краткий стат. сб. / Росстат. М., 2016. 543 с.
14. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 5. С. 5–33.
15. Шляпентох В.Э. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008. 368 с.
16. Clarke S. Making Ends Meet in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary Agriculture and Social Networks. UK. Cheltenham, 2002. 322 p.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ Ю.Н. КОВАЛЕВСКОЙ

Рыжиков Д.В.: По мнению экспертов, развитие Дальнего Востока склоняется к двум векторам. Первый из них – сырьевой, второй связан с привлечением крупного капитала в промышленное производство и сельское хозяйство, от чего страдает малый и средний бизнес. Какой выход видят теоретики из этой ситуации?

Ковалевская Ю.Н.: Д. Робинсон и Д. Аджемоглу, авторы книги «Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты», изданной в Москве в 2016 г., видят

выход в переходе от экстрактивных институтов к инклюзивным. Яркий пример инклюзивного института для постсоветского Дальнего Востока – это правый руль, то есть торговля поддержанными японскими автомобилями, которая породила целую отрасль экономики (начиная от таможенного оформления, транспортировки и регистрации авто и заканчивая ремонтом, текущим обслуживанием, торговлей запчастями и расходными материалами).

Или возьмём, к примеру, рыболовство. Государство может выдать квоты одному человеку или тысяче человек. Какой же путь избрать? Всё упирается в вопрос приоритетов и контроля. Конечно, контролировать одного олигарха проще, чем 1000 человек, и государство часто выбирает первый путь. Да, инклюзивные институты создавать сложнее, для этого необходима политическая воля сверху и движение снизу, но в конечном итоге для развития территории они гораздо более эффективны.

ИТОГОВАЯ ДИСКУССИЯ

Дударёнок С.М.: Понимание местного самоуправления, представленное Е. В. Булахом, меня не убедило. Если следовать предложенным критериям, то мы получаем религиозную общину или ТСЖ...

Булах Е.В.: На мой взгляд, это некорректные примеры. Местное самоуправление, согласно 131 ФЗ, представляет собой деятельность по решению вопросов местного значения (перечень этих вопросов приведён в документе). Суть в том, что пресловутая «вертикаль власти» не в состоянии удовлетворить потребности каждого индивида – она действует, исходя из интересов общества в целом. Сегодня муниципалитет – ещё и площадка, на которой осуществляет свою деятельность малый и средний бизнес. И здесь необходимо решать множество вопросов: отведение земли, создание инфраструктуры, коммуникаций и пр.

Сейчас в микрорайоне Снеговая падь работает ТОС (территориальное общественное самоуправление) – это важный опыт, когда жители сами определяют границы поселения и задачи, решение которых они готовы взять на себя. Управленческая цепочка включает в себя три этапа: постановка задачи – реализация – контроль. Только при наличии всех трёх компонентов система работает эффективно. Проблема в том, что эта цепочка в российских реалиях до сих пор не сформировалась (в советское время института местного самоуправления не существовало).

Ващук А.С.: Нужно определить круг вопросов, на которые мы, как историки, будем искать ответы. Имеем ли мы дело с реформированием системы самоуправления в постсоветский период или это только начало пути, и здесь нужно говорить не о реформировании, а о становлении? В какой точке развития (или становления) мы находимся сейчас? Какими идеями руководствовались законодатели при создании системы местного самоуправления, и как социум воспринял эти преобразования? Было ли готово местное сообщество к самоорганизации? Используя теоретическую конструкцию, мы должны исследовать эмпирический материал.

Федирко О.П.: Считаю, что в советский период всё же можно обнаружить элементы самоуправления вне системы Советов,

например, домовые комитеты или сельские сходы. Они не получили широкого распространения, но их можно считать зачатками системы местного самоуправления. И ещё один важный опыт хотелось бы напомнить – это опыт Биробиджана второй половины 1990-х гг.

Булах Е.В.: Да, это был интересный опыт, так же как опыт Калининграда, Челябинска, безусловно, заслуживающий внимания исследователей.

Федирко О.П.: На мой взгляд, в 1990-е гг. у населения было стремление к организации системы местного самоуправления, был определённый импульс, но сейчас этот импульс уже потерян, самоуправление заменяется администрированием.

Булах Е.В.: Непосредственное участие населения в процессах самоуправления было обусловлено инновациями, которые появились в эпоху перестройки. В 1990—1991 гг. ТОСы в России получили широкое распространение, это был период губернаторства (в Нижнем Новгороде) Немцова Б.Е. – человека либеральных взглядов, который готов был дать больше возможностей для самоуправления. А потом появился Лужков Ю.М., который вознамерился превратить столицу в город-рынок. ТОС был приравнен к общественной организации, и подобное отношение к местному самоуправлению получило широкое распространение. Сегодня в Приморье краевая администрация демонстрирует именно такое отношение.

Ващук А.С.: Мы видим, что кутафинская точка зрения в вопросах местного самоуправления доминирует. И наша задача как историков – выбрать адекватную концепцию, чтобы отразить этот процесс в развитии.

Чернолуцкая Е.Н.: Теперь переходим к экономическому блоку.

Ващук А.С.: В последние годы происходит пополнение историографического багажа за счёт экспертного знания и междисциплинарных исследований. Для историка важно определить, какие вопросы ставились до нас и какие вопросы ставим мы, уже обладая определенным багажом и набором источников. В своём докладе Л.А. Крушанова поставила перед нами задачу: как использовать в историческом исследовании экономические дефиниции (такие, как трудовой потенциал, человеческий капитал и пр.), чтобы не потерять человека за макроэкономическими показателями, как отстоять автономность и сохранить человечность в историческом процессе, при этом используя достоинства, которые несёт с собой подобный подход.

Булах Е.В.: Я считаю, что использование такого понятия, как «трудовой потенциал», очень важно для анализа развития территории, как таковой.

Ковалевская Ю.Н.: В изложении Л.А. Крушановой это понятие даётся очень широко, тогда как в либеральном понимании трудовой потенциал (равно как и близкое к нему понятие «человеческий капитал») трактуется как рабочая сила, то есть люди, способные осуществлять трудовую деятельность и приносить работодателю прибыль.

Булах Е.В.: Да, на первый взгляд, трудовой потенциал у нас колоссальный, но в то же время идёт тенденция к обнищанию населения. Если все экономические вопросы отдавать на откуп бизнесу и полностью исключить государственное регулирование, эта тенденция будет только нарастать. Сегодня мы наблюдаем, как московский капитал выживает с Дальнего Востока местный капитал. Но этому процессу можно воспрепятствовать, и ТОС, в том числе, даёт соответствующие механизмы регулирования.

Крушанова Л.А.: Вся наша жизнь неопровержимо свидетельствует об уменьшении трудового потенциала Дальнего Востока и в количественном, и в качественном отношении. Трудовой потенциал у нас не такой громадный, как может показаться, регион испытывает кадровый голод.

Ващук А.С.: Что касается западной историографии, то можем ли мы использовать концепции наших зарубежных коллег в своей работе? Насколько они соответствуют нашей реальности?

Чернолуцкая Е.Н.: Другой взгляд, взгляд со стороны всегда полезен, он помогает учёному определить поле для собственной деятельности и вопросы, на которых нужно сконцентрироваться. Жаль, что не все авторы продолжают работать над своими концепциями и отслеживать дальнейшее развитие событий на изучаемой территории.

Ковалевская Ю.Н.: Пишут ли западные авторы об освоении Дальнего Востока вахтовым методом?

Чернолуцкая Е.Н.: Да, эта тема затрагивается во многих работах. Целый ряд авторов рассматривает Дальний Восток как рыночно нерентабельную территорию, предлагая минимизировать численность постоянного населения и сделать акцент на вахтовых методах привлечения рабочей силы.

Встречаются и радикальные утверждения, общий смысл которых можно сформулировать так: Россия незаконно владеет Сибирью, ей досталось слишком много ресурсов. Стивен Козн придерживается

другой позиции: он негативно относится к радикальным рыночным реформам в России, считая, что они способны вычеркнуть из жизни целые поколения людей.

Дударёнок С.М.: У меня всё чаще создаётся впечатление, что мы, дальневосточные учёные, и наши московские коллеги живём в двух разных Россиях. Чем позиция столичных учёных отличается от западных концепций?

Чернолуцкая Е.Н.: Зачастую ничем. Сегодня мы наблюдаем, как многие столичные исследователи – и не только исследователи, но и практики – попадают под влияние западных экспертов, проходят обучение за границей и даже начинают применять западные «рецепты» на практике, фактически они управляют Россией по этим схемам.

Ващук А.С.: Это действительно так. При изучении литературы по приватизации я обратила внимание, что либеральная российская и западная историография очень близки, их можно объединить в один блок.

Чернолуцкая Е.Н.: Переходим к религиозной тематике.

Ковалевская Ю.Н.: Не движемся ли мы к государственной религии?

Федирко О.П.: Теоретически это вполне вероятно, в российском законодательстве заложена такая возможность (если вы помните, перечень традиционных для российской территории религий весьма ограничен). Но я сомневаюсь, что в ближайшее время руководство страны пойдёт на такой шаг. Добавлю, что Европейский суд по правам человека встал на сторону «Свидетелей Иеговы», которые в России несколько лет назад попали под запрет и вынуждены были, что называется, уйти в подполье. Теперь возможно их возвращение в легальное поле.

Дударёнок С.М.: Хочу заметить, что Россия регулярно проигрывает суды ЕСПЧ, платит огромные штрафы, но потом опять наступает на те же грабли.

Ващук А.С.: Доклад Дударёнок С.М. показал, как меняется состав авторов, которые сегодня формируют историографическое поле – это не только историки, но и эксперты, и правоведы, и представители религиозных организаций. В результате историографическая ситуация складывается уже в другой парадигме.

Дударёнок С.М.: Сейчас на Дальнем Востоке проживают порядка 500-600 тыс. мусульман. Но, к сожалению, в регионе нет ни одного исламоведа, и все эти сложные религиозные процессы не

отслеживаются. На сегодняшний день мы не имеем даже адекватной статистики: официальные цифры серьёзно расходятся с цифрами, которые приводят лидеры религиозных организаций.

Федирко О.П.: Я призываю вас посмотреть на проблему с другой точки зрения: ислам на территории региона распространяется неравномерно, в Приморском и Хабаровском краях мы наблюдаем самую высокую концентрацию. Есть и ещё один важный момент. Татаро-башкирская диаспора нам, как религиоведам, хорошо известна, чего не скажешь о мигрантах из Средней Азии, а их на Дальнем Востоке сейчас много, они закрыты, и мы не знаем, чего от них ожидать. В Таджикистане и Узбекистане сейчас идёт формирование нового течения ислама, но изучение этого процесса никем из российских исследователей не ведётся, Средняя Азия остаётся для нас *terra incognita*.

Хочу отметить и позитивную тенденцию: религиозные организации начинают обращаться к светским учёным-религиоведам с просьбой написать их историю. Подобная направленность на сотрудничество, на мирное взаимодействие отмечается сегодня во многих регионах России, в том числе в Приморье.

Наконец, сегодня назрела необходимость защиты прав не только верующих, но и атеистов, тем более что на Дальнем Востоке их число достаточно велико.

Фетисова Л.Е.: Хочу обратить внимание на гендерную составляющую ислама. У меня сложилось впечатление, что среднеазиатская женщина сегодня более эмансипирована, чем молодые россиянки, которые зачастую надевают хиджаб, преследуя вполне определённую цель: выйти замуж за мужчину, который получил воспитание в рамках традиционной семьи и готов взять на себя заботы по обеспечению жены и детей.

Чернолуцкая Е.Н.: Каждый регион России – это загадка, и разгадать ее в рамках одного круглого стола, разумеется, невозможно. Но это означает, что у нашей науки есть перспективы, есть будущее.

ФОТОГАЛЕРЕЯ

**НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Материалы круглого стола
23 ноября 2018 г.

Ответственный редактор
доктор исторических наук Е.Н. Чернолуцкая